

А. С. Русяева

МИЛЕТ — ДИДИМЫ — БОРИСФЕН — ОЛЬВИЯ. ПРОБЛЕМЫ КОЛОНИЗАЦИИ НИЖНЕГО ПОБУЖЬЯ

Проблема милетско-ионийской колонизации Причерноморья, и в частности Нижнего Побужья, в самых различных аспектах разрабатывалась целым рядом исследователей¹. Тем не менее в этой обширной и одной из важных проблем в отечественной науке об античной эпохе Северного и Восточного Причерноморья в связи с крайней малочисленностью конкретных и достоверных письменных свидетельств остается довольно много дискуссионных и недостаточно полно изученных вопросов. Поэтому каждый новый эпиграфический памятник, который в той или иной мере касается отдельных вопросов колонизации и служит источником для их более полного выяснения, представляет несомненный интерес.

Одним из таких источников служит костяная пластинка с прочерченными на ней надписями и рисунками с Березанского поселения (руководителем раскопок был ныне покойный В. В. Лапин)². Пластинка, имеющая слегка трапециевидную форму со скругленными углами, тщательно отполирована с лицевой стороны³. Ее края аккуратно заглажены, оборотная сторона заполирована только с длинных краев. Средняя часть (костная ткань) оставлена необработанной. Размеры пластинки: 3—3,5 × 4,8 × 0,4 см (рис. 1, 2). По форме и толщине она несколько сходна с одной из костяных пластинок из Ольвии⁴. Березанская пластинка сохранилась сравнительно неплохо. Лишь в отдельных местах на ее лицевой

¹ Полную сводку литературы по различным вопросам колонизации Причерноморья см. в кн.: Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси, 1979 (далее — Проблемы...); Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации. Тбилиси, 1981; *Марченко К. К.* Модель греческой колонизации Нижнего Побужья. — ВДИ, 1980, № 1, с. 131—143; *Яйленко В. П.* Греческая колонизация VII—III вв. до н. э. М., 1982; *Виноградов Ю. Г.* Полис в Северном Причерноморье. — В кн.: Античная Греция. М., 1983, с. 366—394; *Русяева А. С.* Деякі риси культурно-історичного розвитку Північно-Західного Причорномор'я в VII—V ст. до н. е. — Археологія, 1979, № 30, с. 3—18.

² Именно книга В. В. Лапина «Греческая колонизация Северного Причерноморья» (Киев, 1966) по существу пробудила остродискуссионный интерес к проблеме колонизации. Ему принадлежит также инициатива возобновления после длительного перерыва раскопок на о-ве Березань, в результате которых был накоплен большой материал, лишь частично разработанный в его неопубликованной монографии «Березань и проблемы генезиса античной северопричерноморской цивилизации» (НА ИА АН УССР, 1978, фонд 24, 438 с.). Считаю своим долгом посвятить эту скромную публикацию памяти В. В. Лапина.

³ Пластинка хранилась в домашнем архиве В. В. Лапина. На ней тушью проставлена только часть шифра — АБ (Античная Березань). Возможно, что она найдена в последний год его раскопок (1980), или же это случайная находка предыдущих лет. Вся полевая документация археологических раскопок за 1980 г. отсутствует. В отчетах за другие годы и последней монографии В. В. Лапина пластинка не упоминается. Передана мне для публикации в 1982 г. В. Н. Корпусовой, за что выражаю ей искреннюю признательность.

⁴ См. *Русяева А. С.* Орфизм и культ Диониса в Ольвии. — ВДИ, 1978, № 1, рис. 1, 1; она же. Земледельческие культы в Ольвии догетского времени. Киев, 1979,

стороне имеются мелкие сколы, царапины и затертости. Вырезана она из берцовой кости быка или лошади.

Вся лицевая часть пластинки испещрена надписями и рисунками. Надписи имеются также на ее заполированных краях с оборотной стороны. Буквы в основном прочерчены тонким острием очень неглубоко, не с одинаковой тщательностью и просматриваются отчетливо лишь под определенным углом освещения. Создается впечатление, что после нанесения надписей пластинка еще раз подверглась полированию. Тексты надписи читаются следующим образом.

На лицевой части пластинки:

- А. Ἑπτὰ λύκος ἀσθενής, ἐβδομήκοντα λέων δεινός, ἐπτ(α)κόσιοι τοξοφόρος φίλι(ο)ς δωρεῇ δυνάμ' ἰητή(ρ)ος, ἐπτακι(σ)χιλι(οι) δελφίς φρόνιμος εἰρήνη Ὀλβίη πόλι, μακαρίζω ἐκεῖ, μέμνημαι Δη-
[τ]ο[ι]?

«Семь: волк слаб (немогущ, бессилён); семьдесят: лев грозен (могуч, страшен); семьсот: лучник (стрелок) дружелюбен — дар силой врачевателя; семь тысяч: дельфин разумен (мудр) — мир Ольвийскому полису; благословляю (считаю счастливыми вас) там, я сам благословен Лето(?)»

Поле, избранное для этой надписи, наиболее плоское на пластинке. Первая строка расположена у самого верхнего края пластинки (рис. 1 а). Надпись прочерчена мелкими буквами, строчки выдержаны неровно: если в начале еще наблюдается относительная выдержанность строки, то последние слова надписи прочерчены гораздо небрежнее и размашистее. В отдельных словах имеются пропущенные буквы, в средней части надписи частично испорчена рисунок, окончание последнего слова почти полностью стерто. Вся основная надпись имеет яркие признаки ионийского диалекта.

Другие разрозненные надписи были прочерчены, начиная с нижнего края пластинки, в обратном расположении к основной надписи и разбросаны по всей ее поверхности. У самого нижнего края стоит ἑπτά, очевидно, фальшстарт, судя по тому, что оно по почерку идентично написанию этого слова в основной надписи и кроме того две первые его буквы прочерчены дважды (рис. 1 б). По-видимому, автор попытался начать надпись с этого края пластинки, но затем по каким-то соображениям передумал.

Б. С того же края пластинки сравнительно большими буквами прочерчено:

- Ἀπόλλωνι — «Аполлону»
Δίδυμ(αίωι) — Дидимейскому (и)
Μιλησίωι — Милетскому»

ΔΙΔΥΜ было прочерчено на одном и том же месте дважды. Слово Μιλησίωι написано большими буквами, разбросанными поверх нижней части текста А, его окончание из-за сильной затертости просматривается с трудом (рис. 1 б).

В. Под словом μακαρίζω из текста А миниатюрными буквами прочерчено μητρό(ς) ὀλοφόρος — «приносящий счастье от матери (?)» (рис. 1 б).

Г. Между сткк. 3 и 4 текста А под словами τοξοφόρος φίλι(ς) имеется надпись νικηφόρος βορέω — «победитель Борея (севера)» (рис. 1 б).

Д. Между сткк. 1 и 2 текста А: Δίδυμ(α, -αίωι, -αῖον) (рис. 1 б).

Е. На оборотной стороне пластинки (верхнем крае соответственно основной надписи на ее лицевой части) прочерчено: ἐβδο(σ)μήκοντα βο(ς) Διδ(υ)μαίωι — «Семьдесят быков Дидимейскому (Аполлону)».

рис. 37, 38, 1, 2. Помимо этой на Березанском поселении при раскопках В. В. Лапина найдено несколько костяных пластинок различных форм, однако надпись имеется еще на одной, которая кратко будет рассмотрена ниже.

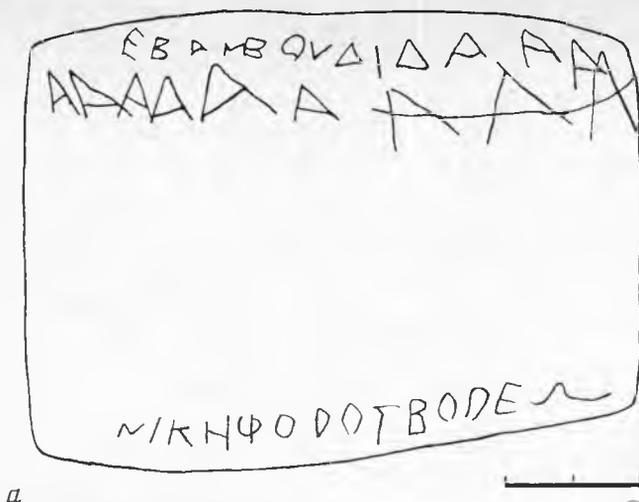

Рис. 2а

Рядом с последними ΔΙΔ имеется три *альфы* подряд, вся вторая строка состоит только из отдельных *альф*, прочерченных едва заметно. Последние две соединены одной поперечной линией. Не исключено, что среди них имеется и *лямбда* (рис. 2 а).

Ж. Внизу пластинки сравнительно четко прочерчена надпись, имеющаяся и на ее лицевой стороне: *μικηφοδος βοδω* (рис. 2 а).

Поверх основной надписи на пластинке нанесены рисунки: сверху вниз от правого угла — схематическое изображение, возможно лука в горите, поверх него параллельно надписи — условное изображение двух дельфинов (рис. 1 е).

Из этого краткого описания видно, что небольшая по размерам березанская пластинка по существу испещрена различного рода надписями и рисунками, представляющими определенные сложности для их интерпретации. Высота букв большинства надписей не превышает 1—2 мм.

Общий палеографический анализ показывает, что все надписи были прочерчены в пределах второй половины VI в. до н. э., причем отдельные буквы имеют форму, которая больше всего была распространена еще в первой половине — третьей четверти этого столетия (*эпсилон* с косыми горизонталями, *тета* с перекрестием, *ро* в виде полукруга с заострением внизу, *ипсилон* без нижней вертикали)⁵, что вполне естественно, если учесть, что некоторые жители на Березанском поселении могли использовать архаический шрифт какое-то время. Следует, очевидно, учитывать и трудность написания на гладкой и твердой поверхности пластинки, что прослеживается по срывам резца в вертикалях ряда букв. При этом, особенно при рассмотрении граффити, необходимо учитывать и индивидуальность почерка⁶. Попытка уточнения датировки надписи на основе исторических соображений предпринята ниже.

⁵ Jeffery L. H. The Local Scripts of Archaic Greece. Oxf., 1966 (далее — LSAG), p. 325—340; Guarducci M. Epigrafia Greca. I. Roma, 1967, p. 257—270. Пользуюсь случаем выразить искреннюю благодарность Ю. Г. Виноградову за ценные советы и помощь в чтении ряда мест надписей.

⁶ Например, на втором теменосе Ольвии, исследование которого ведется автором, была прослежена любопытная деталь: на амфорах, амфорных обломках и вотивной черепице в виде специально распиленных на мелкие полоски калиптеров V в. до н. э. с граффити *ισρῆ*, *ισρ.*, *ισ.* форма написания букв была самой различной (так: *эпсилон* как с прямыми, так и наклонными горизонталями, *ро* — с четко выделенным полукругием и вертикальной чертой и почти треугольной формы со слегка скругленными углами), т. е. очевидно, что архаический шрифт еще сосуществовал в Ольвии с классическим.

Прежде чем перейти к комментарию текстов, следует обратить внимание на тот факт, что на пластинке трижды встречается в сокращенном виде эпikleза Аполлона — *Διδυμῶτος* и полностью *Μιλῆριος* ⁷. Столь конкретное указание на связь Аполлона с Милетом и Дидимами в эпиграфике Нижнего Побужья, как и всего Причерноморья в архаическое время, представлено впервые данным памятником. Соответственно этому небезынтересно хотя бы кратко рассмотреть роль Дидимейского святилища Аполлона и его оракула в ионийской колонизации ⁸.

Общеизвестно, что в период наиболее интенсивного колонизационного движения (вторая половина VII—VI в. до н. э.) Милет представлял собой самый крупный экономический, политический и культурный центр в Восточной Греции; «жемчужиной Ионии» называл его Геродот (V, 28). Стоит хотя бы вспомнить его широкую морскую торговлю, основание им множества колоний ⁹ (90 — Plin., NH, V, 112; 75 — Seneca, Dial. XII, 7, 2), среди них много «великих городов на Понте, в Египте и во многих местах во вселенной» (SIG, II, 2878). В городе в это время жили основатели греческой философии — Фалес, Анаксимандр, Анаксимен, известные историки — Гекатей и Дионисий. Высокого уровня достигло строительство храмов и изобразительное искусство, оказавшие большое влияние на дальнейший расцвет общегреческой культуры.

Еще в первой половине VII в. в состав Милетского государства вошли Дидимы — древнее святилище Аполлона с оракулом, ставшее главным культовым центром полиса ¹⁰. Особенно большого расцвета это святилище достигло при династии жрецов Бранхидов, что совпадает также и с периодом интенсивной колонизационной деятельности Милета ¹¹. Тем не менее роль этого святилища, особенно в милетской колонизации, остается мало выясненной. То панэллинское значение, которое имели Дельфы со знаменитым оракулом особенно в раннеклассическое время [в политической и религиозной жизни древних греков, послужило, очевидно, поводом для распространения их ведущей роли и влияния и на всю греческую колонизацию ¹². Однако существует ряд свидетельств, благодаря которым нельзя безоговорочно утверждать, что именно Дельфийское святилище играло роль религиозного лидера и в милетской колонизации на Понте.

⁷ Посвящения Аполлону Дидимейскому известны только от милетских граждан (Jeffery. LSAG, p. 355; Guarducci. Op. cit., p. 261), а Аполлона Милетского, например, в Навкратисе почитали и дорийцы (Guarducci. Op. cit., p. 168—169; Lazzarini M. L. Le formule delle dediche votive nella Grecia arcaica. Roma, 1976, № 182).

⁸ Значение дидимейского оракула в основании милетских колоний в связи со значительной ролью культа Аполлона отмечалось: Gruppe O. Griechische Mythologie und Religionsgeschichte. Bd. I. München, 1906, S. 287 f.; Farnell L. R. The Cults of the Greek States. V. IV. Oxf., 1907, p. 172; Bilabel F. Die ionische Kolonisation. Lpz, 1920, S. 98.

⁹ Последнюю, наиболее полную сводку милетских колоний см. Ehrhardt N. Milet und seine Kolonien. Frankfurt, Bern, N. Y., 1983 S. 4—97.

¹⁰ RE, II, s. v. Apollon, Sp. 49 f.; Wiegand Th. Didyma. Bd. I, B., 1941, S. 4—8; Кобылинка М. М. Милет. М., 1965, с. 94—118; Akurgal E. Ancient Civilisations and Ruins of Turkey. Istanbul, 1969, p. 222—226; Jeffery L. H. Archaic Greece, the City-States c. 700—500 B. C. L., 1976, p. 211—214. По свидетельству Павсания (VII, 2, 6), это святилище возникло раньше заселения малоазийского побережья ионийцами. Очевидно, местный карийский культ был близок учрежденному здесь греками культу Аполлона и его сестры-паредры Артемиды. В легенде о захвате Милета ионийцами видно, что дельфийский оракул не покровительствовал предводителю ионийцев Нелею (Paus., VII, 2, 1—6).

¹¹ Несомненно, что такое совпадение не было случайным. Значительное обогащение святилища происходило и за счет даров от новых колоний. Установление множества монументальных статуй в Дидимах начинается с VI в., а строительство колоссального храма Аполлона, который можно сравнить с Артемисионом в Эфесе, — около середины этого века (Akurgal. Op. cit., p. 222—223; idem. Die Kunst Anatoliens von Homer bis Alexander. B., 1961, Taf. 188 ff.; Jeffery. Archaic Greece..., p. 214).

¹² Forrest W. G. Colonisation and the Rise of Delphi.— Historia, 1957, 6, p. 161—173; Bérard J. L'expansion et la colonisation grecques jusqu'aux guerres médiques. P., 1960, p. 81—83; Graham A. J. Colony and Mother City in Ancient Greece. Manchester, 1964, p. 29—39.

Все оракулы о колониях составлялись в Дельфах, как правило, позднее их основания, и среди них нет ни одного, который бы касался какой-либо колонии на Понте Евксинском¹³.

В то же время учрежденный в Дидимах оракул Аполлона на протяжении длительного периода играл большую роль в политической и религиозной жизни не только Милета, но и всей Малой Азии¹⁴. К нему обращались за советом и лидийские цари, а Крез посылал одинаковые дары в Дельфы и Дидимы (Herod., I, 92). Египетский царь Нехо после победы над сирийцами отправил свои военные доспехи в Дидимейон (Herod., II, 159). Однако после разрушения этого святилища и Милета персами в 494 г. до н. э. оракул по существу утерял свое значение вплоть до IV в., когда наступил его новый расцвет¹⁵. О длительности его существования и политическом значении говорит хотя бы тот факт, что еще в IV в. император Юлиан обращался к этому оракулу за советом перед походом против персов.

Сведения о столь значительном авторитете оракула позволяют предполагать, что милетские колонисты, почитая своего бога, обращались за прорицанием не к Пифии в Дельфах. Ни один из существующих в настоящее время источников не указывает на какую-либо связь их с Дельфами в колонизационный период. Геродот, например, сообщает о большом количестве эллинских городов или их представителях, обращавшихся к дельфийскому оракулу, в том числе и относительно основания колоний, однако не упоминает о Милете. Во время милетской колонизации Дельфы имели дружеские отношения с враждебными Милету лидийскими царями. По свидетельству Геродота (I, 19, 46—52, 91—92), Гиг, Алиатт и Крез довольно часто посылали в это святилище богатейшие дары в благодарность за прорицания оракула. Вряд ли при существующей обстановке Милет мог быть доволен политикой Дельф. Это недовольство могло еще более усугубиться и примиренческой политикой последних по отношению к персидским завоевателям¹⁶. Нескрываемая неприязнь к Милету и его жителям особенно ярко выразилась в прорицании Пифии о гибели этого города (Herod., VI, 19). В данном плане показательны, что милетяне сами не обращались к этому оракулу, чтобы узнать судьбу города: Пифия изрекла его в их отсутствие по собственному желанию в добавление к прорицанию аргосцам¹⁷, злобно предвещая падение Милета, гибель и обращение в рабство его жителей.

Правда, Геродот нигде прямо не говорит о вражде между Дельфами и Дидимами. При этом нельзя не учитывать и того, что Геродот, выходец из Ионии, писал свою «Историю» уже в то время, когда Дидимы были полностью разрушены персами, их добрая слава затмила предательством жрецов Бранхидов, отдавших персам все сокровища храма Аполлона (Strabo, XIV, 1,5). А Дельфы процветали, их политика и влияние простирались вплоть до самых отдаленных местностей античного мира. Если в VI в. до н. э. только складывались основные тенденции «религиозного и морального империализма» Дельф¹⁸, то во времена Геродота они уже

¹³ Crahay R. La littérature oraculaire chez Hérodote. P., 1956; Parce M. W., Wormell D. E. The Delphic Oracle. V. 1—2. Oxf., 1956.

¹⁴ Gruppe. Op. cit., S. 287 f.; Farnell. Op. cit., P. 172; Günther W. Das Orakel von Didyma in hellenistischer Zeit.— Ist. Mitt., 1971, Bh. 4, S. 4 ff.; Jeffery. Archaic Greece..., p. 212.

¹⁵ Обычно это связывается с 334 г., когда здесь появился Александр Македонский (см. Кобылина, Ук. соч., с. 97; Grinell I. H. Greek Temples. N. Y., 1943, p. 56).

¹⁶ Непримириость между Милетом и Дельфами четко освещена также в работах: Crahay. Op. cit., p. 176; Строгоцкий В. М. О датировке битвы при Сепее.— ВДИ, 1979, № 4, с. 110 сл. Геродот (I, 157) прямо указывает: «Там [в Бранхидах.— А. П.] издревле было прорицалище, которое обычно вопрошали все ионяне и эолийцы».

¹⁷ Одновременность этих оракулов послужила поводом предполагать, что оракул, обращенный к милетянам, появился задолго до падения Милета, т. е. в пределах от 520 до 506 г. до н. э. См. Строгоцкий. Ук. соч., с. 111 сл.

¹⁸ Defradas J. Les thèmes de la propagande delphique. P., 1954, p. 62, 233 suiv.

были завершены. Дельфийское жречество постоянно стремилось к самовозвеличению, вело напряженную борьбу с конкуренцией других святилищ Аполлона, что особенно подтверждается никийским гимном Аполлону, сочиненным как агитационное произведение для укрепления авторитета своего святилища, специально замалчивающее об остальных местах культа Аполлона, хотя полностью игнорировать их не удалось¹⁹. Так, Дельфы стремились превратить Дидимы в свой филиал, однако в противовес им дидимскими жрецами была придумана легенда о Бранхе — устройтеле святилища в Дидимах, якобы более древнего, чем в Дельфах²⁰. Возможно, только в самый канун падения Милета Дидимы подчинились Дельфам, о чем имеется намек в прорицании Пифии (Herod., VI, 19), что в свою очередь могло способствовать предательству дидимских жрецов.

Косвенным свидетельством отсутствия дружеских связей между Милетом и Дельфами в колонизационный период служит также тот факт, что в первой священной войне из-за Дельф не участвовало ни одного представителя ионийских или островных греков; влияние Дельф было распространено только на севере Эллады и в Пелопоннесе²¹. Тексты дельфийских оракулов, составлявшиеся, как уже указывалось, обычно после основания колоний, касались только западноредиземноморских апокрий, что привело отдельных исследователей к правильному выводу о том, что Дельфы не играли роли инициатора в греческой колонизации, но приписывали себе эту роль для укрепления политического влияния (по существу все оракулы, данные по этому поводу, относятся к классическому времени)²². Тем более при политической обстановке, сложившейся в Малой Азии в то время, дельфийские жрецы вряд ли имели какое-то решающее влияние на милетскую колонизацию²³.

Немаловажно в решении этого вопроса и то, что милетские колонии на Понте Евксинском имели весьма ограниченные контакты с Дельфами, зафиксированные эпиграфически только с эллинистического времени²⁴. Более того, например, гераклеяская колония Херсонес в значительно большей степени, чем с Дельфами, была связана с Делосом, который принимал участие в основании города²⁵. Что касается Ольвии, то она длительное время поддерживала самые тесные политические, экономические и культурные связи со своей метрополией с самого раннего времени²⁶.

¹⁹ Глушкина Л. М. Политические тенденции гомеровского гимна к Аполлону Пифийскому. — ВДИ, 1956, № 4, с. 13 сл.

²⁰ Bilabel. Op. cit., S. 88.

²¹ Глушкина Л. М. Дельфы в период Первой священной войны. — ВДИ, 1951, № 2, с. 214 сл.; она же. Политические тенденции..., с. 17.

²² Defradas. Op. cit., p. 231 suiv.; Crahay. Op. cit., p. 340 suiv.

²³ Нельзя согласиться в данном случае с мнением М. В. Скржинской, что «косвенным доказательством признания высокого авторитета Дельфийского оракула в ионийских городах, и в частности в Милете» служат карта Гекатея Милетского с изображением Дельф как центра земли и обнаруженные там архаические ионийские статуэтки (Скржинская М. В. О происхождении названия города Ольвии. — ВДИ, 1981, № 3, с. 144). При этом нельзя не учитывать времени создания карты Гекатея и его отношения к Бранхидам. Лишь он осмелился предложить забрать из дидимского святилища посвященные дары Креза (но не эллинов) для возобновления морской мощи Милета (Herod., V, 36). Что касается ионийских статуэток, то они имели распространение в самых различных регионах античного мира вследствие широких торговых связей Милета и других ионийских городов, поэтому не обязательно они могли попасть в Дельфы как приношения непосредственно ионян, тем более милетян. Если даже и находились в Ионии отдельные поклонники культа Аполлона Дельфийского, то это отнюдь не показатель массового и государственного характера этого культа в Милете.

²⁴ IOSPE, I², 34; Граков Б. Н. Материалы по истории Скифии в греческих надписях... — ВДИ, 1939, № 3, с. 247—248; Виноградов Ю. Г., Русаева А. С. Культ Аполлона и календарь в Ольвии. — В кн.: Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. Киев, 1980, с. 35.

²⁵ Тюменев А. И. Херсонес и Делос. — ВДИ, 1938, № 2/3, с. 273—275.

²⁶ Жибелев С. А. Милет и Ольвия. — В кн.: Северное Причерноморье. М.—Л., 1953, с. 38—47; Виноградов Ю. Г. Милет и Ольвия. Проблема взаимоотношений метрополии и колонии на раннем этапе. — В кн.: Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси, 1979, с. 47—52; он же. Полис..., с. 390 сл.

Указание Геродота (IV, 78) о том, что ольвиополиты сами себя называют милетянами, может служить одним из доказательств в пользу заключения договора об исополитии между Милетом и Ольвией со времени основания последней, вторично подтвержденного вскоре после 331 г. до н. э.²⁷ Этот договор подтверждал не только государственно-правовые и экономические привилегии, но и прежде всего религиозные, несомненно бывшие исконными²⁸.

Однако в самом Дидимейоне не найдено никаких письменных свидетельств о его непосредственных связях с Борисфеном или Ольвией, хотя упоминания (правда, единичные) о других милетских колониях (например, Аполлонии на Риндаке) достоверно указывают на его отношение к колонизационному процессу и устройству новых колоний²⁹. Декрет Аполлонии на Риндаке свидетельствует о том, что при завоевании и заселении Пропонтиды предводителем выступал Аполлон Дидимейский. На основании этого документа Ф. Билабель считал, что оракул Аполлона в Дидимах имел авторитетное влияние на основании многих милетских колоний³⁰. Это влияние закономерно вытекает из того положения, которое занимало святилище Аполлона в общественной жизни полиса, проводящего колонизацию.

До настоящего времени в Северо-Западном Причерноморье также не было найдено прямых свидетельств о связях с Дидимами, хотя общность отдельных культов (например, семейная тетрада — Зевс, Лето, Аполлон и Артемида в Истрии, Артемида Пифия, Лето и Геката в Аполлонии Понтийской и Нижнем Побужье) подтверждает эти связи, идущие несомненно со времени колонизации этого края³¹. Если для Дидим архаического времени отсутствие данных такого плана может быть объяснимо в какой-то мере их разрушением и ограблением варварами, то для милетских колоний на Понте, и в частности особенно для апойкии Нижнего Побужья, это, очевидно, имело какие-то особые причины³². Тем больший в данном аспекте интерес представляет березанская пластинка.

Как видно из основного содержания надписи, она, по всей вероятности, представляет своеобразное изречение, достаточно завуалированное, трактовка которого вряд ли может быть однозначной. Прежде всего, исходя из ионийского диалекта надписи, а также времени ее написания и, наконец, что самое главное, упоминания здесь об Аполлоне Милетском и Дидимейском, можно твердо исключить какую-либо связь ее с дельфийским святилищем. Не исключено, что текст изречения точно не запомнился написавшему его на пластинке. Правда, нам неизвестны вообще такого рода изречения дидимейского оракула, тем более относящиеся к столь раннему времени. Так что из-за отсутствия сравнительной характеристики со сходными документами можно лишь предполагать, что оно имеет отношение к этому оракулу. К тому же здесь впервые в северо-западнопонтийской эпитафике, насколько известно, имеется упоминание о Дидимах. Не исключено, что эта символическая надпись могла быть создана и кем-либо из жрецов на Березани как на основании все того же изречения дидимейского оракула, так и самостоятельно, исходя из понимания хорошо известной ситуации, сложившейся в это время в Нижнем Побужье³³.

²⁷ Milet I, 3, № 136.

²⁸ Seibert J. Metropolis und Apoikie. Diss. Würzburg, 1963, S. 192 f.

²⁹ Milet I, 3, № 155.

³⁰ Bilabel. Op. cit., S. 98; А. Рем также считал, что Аполлон Дидимейский был архетом милетских колоний (Milet I, 3, № 136).

³¹ Русаева. Земледельческие культы..., с. 19; Vinogradov Ju. G. Griechische Epigraphik und Geschichte des nördlichen Pontosgebietes. — In: Actes du VIIe Congrès International d'épigraphie grecque et latine. București — Paris, 1979, S. 298; Pippidi D. M. Inscriptiile din Scythia Minor. V. I. București, 1983, p. 281—283; Ehrhardt. Op. cit., S. 129, 137—140, 148, 153, 160, 173—175, 189—190.

³² Попытка их выяснения будет сделана ниже.

³³ Многие сохранившиеся у древних авторов или на каменных плитах изречения как дельфийского, так и дидимейского оракулов, однако относящиеся к несколько бо-

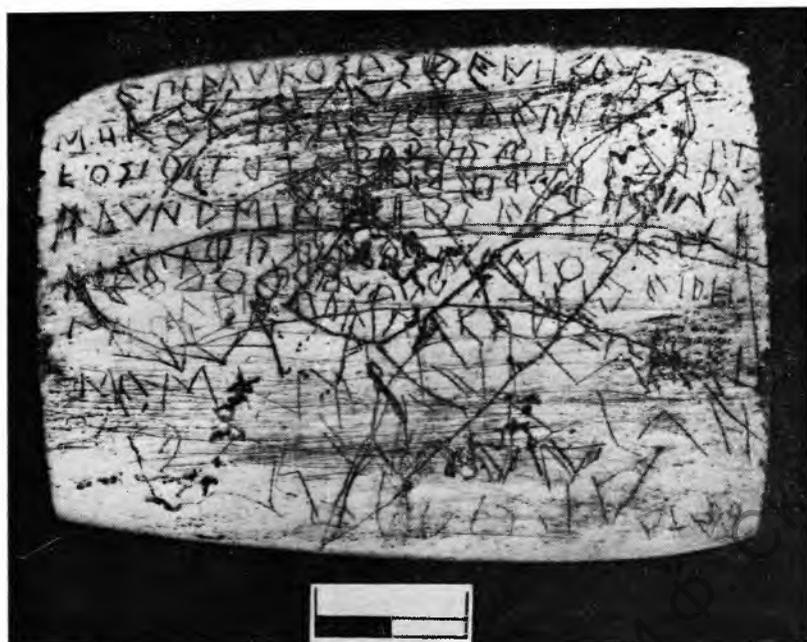

Рис. 1. Граффити на костяной пластинке с Березанского поселения. Лицевая сторона

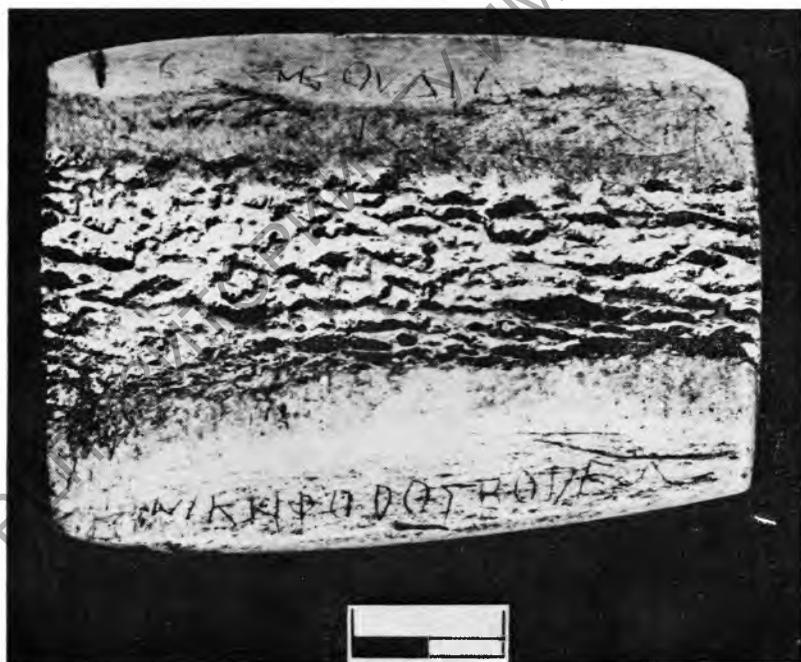

Рис. 2. Обратная сторона

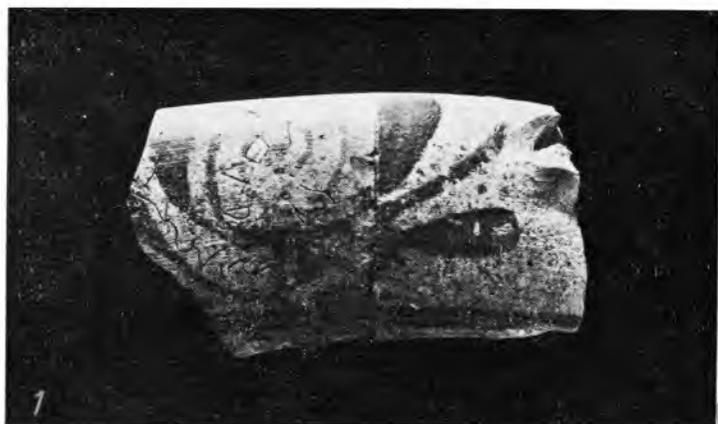

Рис. 3. (1—4)

Рис. 3. Граффити на керамике и архитектурной терракоте с Березани (1) и из второго тельменоса Ольвии (2—8)

Рис. 1. Монета-рыбка из Керчинитиды

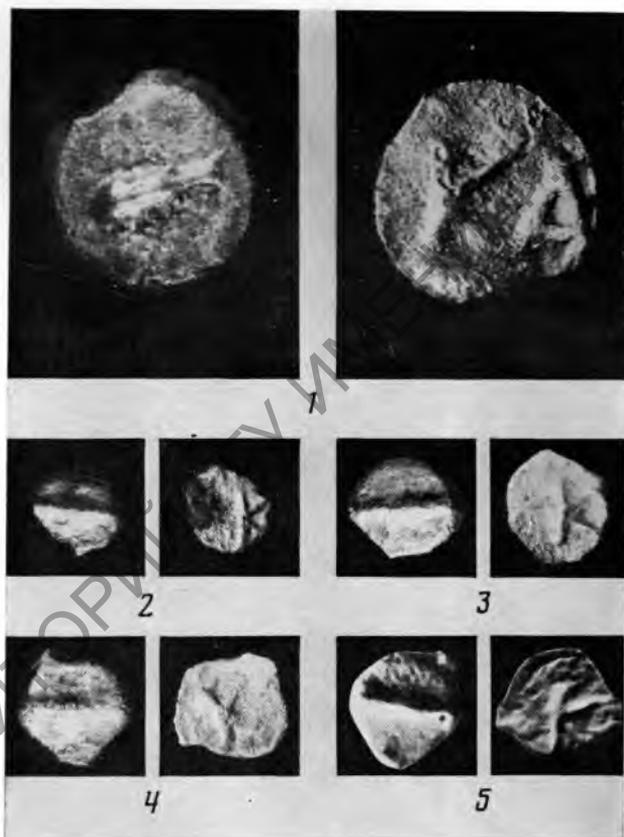

Рис. 1—5. Монетная серия Керчинитиды V в. до н. э.:
1—4 — из раскопок 1980—1982 гг.; 5 — из коллекции
П. О. Бурачкова. Натуральная величина

Особенно важно, что в этой надписи имеется упоминание о Дидимах (не имеет значения в каком контексте — название святилища или эпиклеза Аполлона). Оно представляет прямое подтверждение непосредственной связи (во всяком случае Борисфена) с этим святилищем. Богатые жертвоприношения (70 быков) были преподнесены в дар Аполлону Дидимейскому явно за большую услугу, оказанную колонистам этим святилищем. Содержание основного текста надписи, как это будет показано ниже, также свидетельствует о большой роли Дидим в понтийской колонизации и особенно в учреждении главных богов-покровителей для основанных в Северо-Западном Причерноморье полисов.

Общеизвестно и не требует повторного доказательства, что главным богом всех милетско-ионийских колоний был Аполлон как патрон Милета со времени основания, так и благодаря его особой функции организатора колонизации и основателя новых городов (отсюда его эпиклезы: 'Αρχηγέτης, Οικιστής, Πατρός и др.). Аполлон наделялся разнообразными культовыми эпитетами, оттеняющими и усиливающими ту или иную его религиозную функцию³⁴, в том числе и в милетских колониях.

Вышеприведенная надпись на березанской костяной пластинке, как представляется, помогает раскрыть процесс формирования культа Аполлона в Дидимах и апоийских Нижнего Побужья. Все слова в надписи служат своего рода символическими обозначениями и в той или иной степени связаны с культом Аполлона, однако при этом несут двойную, а в некоторых случаях и тройную смысловую нагрузку. Так, цифровые обозначения, производные только от цифры 7, имеющей большое значение в культе Аполлона, соответственно общему и итоговому смысловому содержанию надписи, где речь идет о пожелании мира Ольвийскому полису, одновременно символизировали, вероятно, и определенные группы переселенцев. Если это так, то данные цифры (семь, семьдесят, семьсот, семь тысяч), с одной стороны, следует связывать с семантикой культа Аполлона, а с другой — с символическим изображением того количественного роста переселенцев из Милета, которые постепенно осваивали Нижнее Побужье и основали в итоге самостоятельный, обеспечивающий себя всем необходимым на далеком расстоянии от метрополии Ольвийский полис³⁵. Поэтому ниже мы постараемся рассмотреть отдельные выражения надписей в обоих названных аспектах: в связи с формированием культа Аполлона и колонизацией Нижнего Побужья.

Текст А. 1. 'Επτά: λύκος ἀσθενής — «Семь: волк слаб (немогущ, бесилен)». Цифра семь считалась священной в культе Аполлона, которому был посвящен седьмой день каждого месяца, согласно мифологическому преданию о его рождении в седьмой день: по свидетельству Плутарха (Quest. Graec. p. 292E) — месяца *бисиоса*, Диогена Лаэртия (3, 2) — *таргеллиона*. Соответственно он был наделен эпиклезами: 'Εβδομειος, 'Εβδομαγέτης (Aesch., Sept. 78). В Милете справлялся и праздник 'Εβδομαία.

Для позднего времени, даны в стихотворной форме. Как считают некоторые исследователи, стихотворная форма придавалась им впоследствии. Первоначально же ответы Пифии всегда давались в прозаической форме, были просты и ясны по содержанию. Стихотворная форма заречений была присуща и дидимейскому оракулу эллинистического и римского времени. Нередко оракулы составлялись по определенным формулировкам. См. *Amandry P.* La mantique apollonienne à Delphes.— *Bibl. des Ecoles française, d'Athènes*, 1950, № 162; *Crahay*, *Op. cit.*: *Günther*, *Op. cit.*, S. 7 ff; *idem*. 7. *Inscriptionen* 1978 und 1979 aus Didyma.— *DAI, Ist. Mitt.*, 1980, Bd. 30, S. 164 ff.; *idem*. *Inscriptionen in Didyma*.— *Ibid.*, 1974, Bd. 24, S. 97 ff.

³⁴ *Roscher W. H.* Ausführliches Lexicon der griechischen und römischen Mythologie. Bd. I. Lpz, 1886—1890, Sp. 422—467; *Nilsson M. P.* Geschichte der griechischen Religion. Bd. I. München, 1976, S. 529 ff.; *Лосев А. Ф.* Античная мифология в ее историческом развитии. М., 1957, с. 257—590.

³⁵ Ср. *Dreizehner A.* Die rhetorische Zahl: quellenkritische Untersuchungen anhand der Zahlen 70 und 700. München, 1978. Автор справедливо отмечает, что в связи со сложившейся в античности системой мистических чисел необходимо с осторожностью относиться к их достоверности, в том числе и к эпиграфическим памятникам, несущим нередко печать риторичности.

Кроме этого, Аполлон считался и покровителем календаря³⁶. Большую роль в его культе играли и другие цифры: 1, 10, 20, в дельфийском святилище — 5 и т. д. (Plut., De E ap. Delph. I, 384). Связь между отдельными днями месяца и божеством получила свое начало от Аполлона и впоследствии распространилась на другие культы³⁷. В Ольвии имеется предположительное свидетельство в посвящении Андокида середины V в. до н. э. Аполлону Дельфинию, Врачу, Таргелию и Ликейю с перечислением всех месяцев ольвийского календаря об устройстве праздника Таргелии в седьмой день одноименного месяца³⁸.

В такой же мере и волк (*λύκος*) имел значение в культе Аполлона. Большинство исследователей этимологию эпиклез Аполлона, производных от *λύκος* (*Λύκειος*, *Λυκογένης* и т. д.), и происхождение ипостаси этого бога (как древнейшего бога-пастуха) объясняют связью его с этим животным³⁹. На эту культовую связь, где Аполлон выступал то в роли волкоубийцы и хранителя пастушеских стад, то в образе волка-оборотня, то защитника волков (отсюда волк — священное животное бога), указывали также и древние авторы⁴⁰ (Arist., Hist. anim. VI, 35; Paus., II, 19, 3; X, 14, 7).

Культ Аполлона Ликейского был распространен в различных областях Эллады⁴¹, в том числе и Милете, однако никогда и нигде не выдвигался на первый план, за исключением Аргоса (Paus., II, 19, 3—7; VIII, 40, 5). В Дидимах также почиталась его паредра — Артемиды Ликейя, что указывает на почитание там и Аполлона Ликейя⁴². Милетскими колонистами он был принесен и в Ольвию, хотя и не нашел здесь особого распространения⁴³. Как видно из упомянутого выше посвящения Андокида, эпиклеза Аполлона «Ликей» стоит на последнем месте.

Цифра семь помимо символа в культе Аполлона в сопоставлении этого выражения с последующим содержанием текста надписи, как уже указывалось, может нести и другую смысловую нагрузку. Представляется, что в этом цифровом обозначении одновременно и тоже символически заключено число тех граждан (или семей) Милета, которые впервые посетили район Нижнего Побужья. Поселилась ли эта группа на Березанском полу-

³⁶ Nilsson M. P. Griechische Feste. Lpz, 1906, S. 158 f.; idem. Die älteste griechische Zeitrechnung. Apollon und Orient. — AfRw, 1911, № 14, S. 423—448; idem. Geschichte..., S. 561 f.; Roscher. Op. cit., Sp. 424; RE, II, Sp. 50; Виноградов, Русяева. Ук. соч., с. 38—50.

³⁷ Nilsson. Die älteste griechische Zeitrechnung, S. 443. Помимо непосредственной культовой связи с Аполлоном цифра 7 была вообще тесно связана с некоторыми явлениями, имевшими отношение как к культу Аполлона, так и другим божествам (например, семь мудрецов, написавших свои изречения в Дельфах (Paus., X, 24, 1), четыре лунные фазы, сменяющиеся через каждые семь дней, семь небесных светил, семь чудес света и т. д.). В Сикионе существовал особый ритуал: для умилостивления Аполлона и Артемиды посылали к реке с молениями семь юношей и семь девушек (Paus., II, 7, 8). Это же число играло большую роль и в орфико-пифагорейских учениях, вобравших в себя религии Аполлона и Диониса-Загрея, что в какой-то мере нашло отражение и в эпиграфике Ольвии: Русяева. Орфизм..., с. 91 сл.

³⁸ Виноградов, Русяева. Ук. соч., с. 25, 32 сл.

³⁹ Лосев. Ук. соч., с. 281—283; Nilsson. Geschichte..., S. 536—538. Не исключено, что в этом выражении нашла отражение символика рождения Аполлона, согласно мифологическим версиям, наиболее интересная из которых содержится у Аристотеля — о матери Аполлона Лето, пришедшей из страны гипербореев на Делос в образе волчицы (Arist., Hist. anim. VI, 35).

⁴⁰ Имеются также и другие мнения, в которых эпитет Ликей объясняется происхождением бога из Ликии (см. лит.: Kothe H. Apollons ethnokulturelle Herkunft. — Klio, 1970, Bd. 52, S. 210 f.). В исследованиях об Аполлоне существует в настоящее время единодушное мнение о его греческом происхождении еще в эпоху энеолита или ранней бронзы; невзирая на множество предложенных концепций, вопрос о месте его происхождения остается все еще открытым.

⁴¹ Gruppe. Op. cit., S. 1236; Roscher. Op. cit., Sp. 443; Nilsson. Geschichte..., S. 536ff.

⁴² Ehrhardt. Op. cit., S. 130; Артемиды вообще постоянно наделялась аполлоновскими культовыми именами.

⁴³ Русяева. Земледельческие культы..., с. 16 сл.; Виноградов, Русяева. Ук. соч., с. 34.

острове или только избрала его для дальнейшего заселения, сказать трудно⁴⁴. Причем первоначально для поселения был выбран именно полуостров — это создавало естественную защиту в случае нападения с суши и благоприятные условия для устройства гавани⁴⁵.

Предположению о том, что первоначально на полуострове появилась очень небольшая группа людей, которой одной не под силу было укрепиться на чужой земле (отсюда, видимо, сопоставление со слабосильным волком), не противоречат и археологические материалы с поселения. Пока что здесь вообще не зафиксирован культурный слой и остатки жилищ около середины VII в. до н. э., т. е. времени основания Борисфена в 647/6 г., согласно свидетельству Евсевия (Chron. Can. 95b Helm). Имеются лишь обломки керамики⁴⁶, способные отражать тот факт, что первоначально на Березани появилась совсем небольшая группа людей, которая по неизвестным причинам оставила родной город. Это могли быть и политические изгнанники, и первые посланцы (своего рода разведчики) для поисков удобных земель для последующей колонизации, а также те из милетских граждан, которые впервые познакомились с этими землями и открыли их по существу как возможные для заселения. Во всяком случае, вряд ли можно считать, что сюда сразу, без предварительного знакомства с обширными территориями Северо-Западного Причерноморья и знания того, что эти земли плодородны и никем не заселены, могли в массовом количестве переселиться первые колонисты.

Возможно, что символика числа семь способствовала в дальнейшем созданию в Ольвии коллегии Семи (οἱ ἑπτά), которая совместно с архонтами ведала именно сакральной казной и изданием выставляемых обычно в святилище Аполлона почетных декретов. В эллинистическое время она владела собственным зданием, что подтверждает значение септемвиров в политической, экономической и религиозной жизни полиса⁴⁷. Правда, в эпиграфических памятниках Ольвии эта магистратура впервые упоминается в последней трети IV в., так что неизвестно, была ли она образована в период организации полиса и интенсивного храмового строительства в архаическое время или же ее создание следует связывать с другими причинами более позднего времени.

2. Ἑβδομήκοντα λέων δεινός — «семьдесят: лев грозен (могуч, страшен)». Очевидно, поскольку семьдесят — производное от числа семь и связано также со священным животным Аполлона, оно тоже в какой-то мере имело отношение к его культуре. Аполлон вообще связывался с некоторыми числами: так, число сто (по количеству стрел, пущенных в Пифона) стало основой его эпиклезы — Гекебол, число семь — Гебдомей, Гебдомагет, число двадцать — Эйкадий и т. д.⁴⁸ Здесь же число семь, как и последующие цифры, увеличено в десять раз, т. е. то же число, играющее большую роль в его культе. Обычно Аполлону посвящали десятую долю дохода, поэтому он в некоторых местностях Эллады получил культовый эпитет Δεκατηφόρος.

⁴⁴ Следует также для сравнения отметить, что в процессе заселения Малой Азии ионийцами большинство основанных поселений (за исключением разве Милета и Эфеса) были очень небольшими и состояли не более чем из 12 семей (Cook J. M. The Greeks in Ionia and the East. L., 1962, p. 20 f.). Возможно, семерка обозначала количество представителей (по одному) от каждой из шести милетских фил во главе с ойкистом (предположение Ю. Г. Виноградова, приводящего как аналогию выселение из Феры в Кирену в конце VII в. по одному сыну от каждого ойкоса: М — L, 5.28—30). Геродот (IV, 153) сообщает, что они выселялись от каждого из 7 (!) округов Феры.

⁴⁵ Подобная колонизационная практика устройства первой апойкии на островах, полуостровах и мысах характерна для многих переселенцев (см. Виноградов. Полис..., с. 374—376).

⁴⁶ Копейкина Л. В. Особенности развития Березанского поселения в связи с ходом колонизационного процесса. — В кн.: Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси, 1979, с. 106.

⁴⁷ Виноградов Ю. Г. Декрет в честь Ангестерия и кризис Ольвийского полиса в эпоху эллинизма. — ВДИ, 1984, № 1, с. 76—79.

⁴⁸ Лосев. Ук. соч., с. 357, 362.

Возможно, поскольку Аполлон был богом колонизации и организатором новых городов, с его культом связывались и цифровые символические обозначения гражданской общины, которая под его эгидой основывала ту или иную апойкию. Согласно античной литературной традиции, число 70 часто применялось как определение максимальной продолжительности человеческой жизни, хронологического отрезка исторической эпохи и, что особенно интересно, для обозначения числа людей, которые представляли определенную и замкнутую группу (например, каких-нибудь перебежчиков или мятежников), а также числа городов, основанных в различное время, или числа народов, живущих в одной области. Исследование этих числовых данных А. Драйцентером показало, что они не отражали историческую действительность, а лишь служили риторическим синонимом⁴⁹. Березанская надпись, содержащая символику числа семь и производных от него (70, 700, 7000), не была в таком случае чем-то уникальным. Ее несомненное отличие в том, что она представляет собой наиболее древнее свидетельство употребления этих чисел (сравнительно с приведенными А. Драйцентером) и носит символический характер.

Лев также был тесно связан с Аполлоном и, судя по ряду источников, имел немаловажное значение в его культе в Милете и Дидимах. Ко второй половине VII—VI в. до н. э. относится широкое распространение установления различных изображений львов в святилищах Аполлона в Малой Азии и на островах⁵⁰. В начале VI в. Аполлону посвящаются богатыми милетянами группа монументальных статуй львов, количество которых на протяжении первой половины VI в. пополнялось. Священная дорога в святилище Аполлона на Делосе также была украшена монументальными скульптурами львов. Лев, как символ Аполлона, изображался на милетских, пантикапейских монетах и «колхидках»⁵¹. Из приношений лидийского царя Креза в Дельфы известно изображение льва из золота и слоновой кости (Herod., I, 50). Монументальные мраморные скульптуры львов второй половины VI в. из Ольвии сходны с милетскими и, очевидно, были изготовлены в Милете⁵². В культовой связи со львом четко проявляется его соляная сущность⁵³. Не исключено, что в позднем эпитете Аполлона Λεωντέος⁵⁴ также прослеживается связь не только со львом, но и с названием фило Λεωντίς.

Если рассуждение относительно числа семь как символа маленькой группы граждан правильно, то цифру семьдесят также можно рассмотреть в этом сопоставлении. Логично, что удесятеренное число значительно

⁴⁹ *Dreizehnter*. Op. cit., S. 9 ff.

⁵⁰ *Cahn H.* Die Löwen des Apollon.— *Museum Helveticum*, 1950, VII, S. 185 ff. Самое большое количество статуй львов архаического времени находилось в Милете и Дидимах — *Pryce F. N.* Catalogue of Sculpture in the Department of Greek and Roman Antiquities of the British Museum. L., 1928, p. 112—116; *Tuchelt K.* Skulpture von Didyma. B., 1970; *Ehrhardt*. Op. cit., S. 132.

⁵¹ *Freeman K.* Greek City-States. L. 1950, p. 137; *Зограф А. Н.* Античные монеты.— МИА, 1951, № 16, с. 165; *Толстиков В. П.* К проблеме образования Боспорского государства.— ВДИ, 1984, № 3, с. 46—47 (с лит.); *Лордкипанидзе Г. А.* О характере колхо-греческих взаимоотношений в VI—IV вв. до н. э.— В кн.: Проблемы..., 1979, с. 323. На двух сериях серебряных монет Боспора второй и третьей четверти V в. с головой льва (или его скальпом) имеется и надпись АПОΛ, несомненно подтверждающая культовую связь Аполлона со львом.

⁵² *Муракевич Н. Н.* Ольвийские древности.— ЗООИД, 1853, III, с. 246; *Strocka V. M.* Variante, Wiederholung, Serie in griechischer Bildhauerei.— JDAI, 1979, Bd. 94, S. 169—171. Автор относит их к серийному милетскому производству.

⁵³ *Cahn*. Op. cit., S. 185 ff.; *Kraus Th.* Hecate. Studien zu Wesen und Bild der Göttin in Kleinasien und Griechenland. Heidelberg, 1960, S. 18. Это подчеркивается и изображением звезды на монетах Милета над головой льва и в его святилище (*Gruppe*. Op. cit., Sp. 288), а также на ранних монетах Боспора. Изображение пентаграммы на березанских и ольвийских сосудах (граффити и дишнти архаического времени), возможно, также связано с соляной символикой Аполлона.

⁵⁴ *Mitropoulou E.* Reliefs of Apollo Cytharoidos with Inscriptions.— In: *Αναχωριώσεως*, VIII Διεθνές Συνέδριον Ἑλληνικῆς καὶ Λατινικῆς ἐπιγραφικῆς. Ἀθήναι, 1982, p. 107.

сильнее, согласно тексту надписи, оно символически приравнивается «грозному льву». На основании обширного и сравнительного изучения керамики из Истрии, Борисфена и Навкратиса П. Александреску пришел к выводу, что все три апойкии были основаны почти одновременно в пределах последней четверти VII в. до н. э.⁵⁵ То, что вторая партия переселенцев как в Истрии, так и Борисфене была значительно больше первой, согласуется и с археологическими данными обоих поселений. Так, уже в последней трети VII в. количество керамики с Березанского поселения увеличивается, открыты яма и колодец⁵⁶. Сильное увеличение ее наблюдается особенно в последнем десятилетии этого века, когда, очевидно, были налажены уже торговые связи поселения не только со своей метрополией. Это по существу подтверждается и той политической и экономической ситуацией, которая в это время сложилась в Милете. Во время правления Фрасибула Милет не только основывал новые колонии, но значительное внимание уделял расширению и контактам с ранее основанными. Любопытен и тот факт, что Фрасибул впервые упорядочил милетскую чеканку монет, установив государственную эмблему — изображение льва⁵⁷. После этого символика льва значительно возрастает и в культе Аполлона.

Однако жилища на Березани до настоящего времени все еще не зафиксированы, что вполне может объясняться последующими большими перестройками поселения. Греческая керамика последней трети VII в. встречается и на отдаленных территориях, занятых автохтонным населением, что указывает не только на стремление эллинов как можно шире познакомиться с окружающим миром, но и на определенную торговую экспансию в Лесостепь.

3. 'Επτ(α)κόσιοι' τοσοφόρος φίλι(ο)ς δωρεῆ δυνάμι' ἰητῆ(ρ)ος — «Семьсот: лучник (стрелок) дружелюбен — дар (дарование) силой врачевателя». В этой части надписи число семьсот дается также в сопоставлении с символами Аполлона. Аполлон-стрелок известен с глубокой древности (Ном., II, I, 75). Эта функция Аполлона, по А. Ф. Лосеву, восходит еще к временам первобытной архаики — эпохе охотничьего хозяйства, в дальнейшем она была преобразована и переосмыслена, получила героическую направленность⁵⁸. В позднеантичной философии стрелковая функция этого бога связывалась с космосом и упорядочением мира (Procl., In Crat. 98. 4—10).

В Дидимах данная функция Аполлона, очевидно, играла особенно важную роль, на что указывает его бронзовая статуя, созданная в конце VI в. до н. э. известным скульптором Канахом специально для этого святилища⁵⁹ (Paus., VIII, 46, 3; Plin., NH, XXXIV, 75; Cic., Brut. 18, 70). Сохранившиеся копии статуи показывают, что Аполлон в одной руке держит лук, в другой — оленя или лань. Более ранняя храмовая статуя в Дидимах изображала его, по всей вероятности, также с этим атрибутом⁶⁰. Для архаических статуй Аполлона вообще было характерно изображение лука. Об этом свидетельствуют статуи Аполлона в Амиклах и в Фарнаке (Лаконика), относящиеся еще к первой половине VI в., судя по описанию Павсания (III, 10, 8; 19, 1)⁶¹.

⁵⁵ Alexandrescu P. Histria, IV. București, 1978, p. 21, 28.

⁵⁶ Копейкина. Ук. соч., с. 106 сл.; Виноградов. Полис..., с. 367.

⁵⁷ Freeman. Op. cit., p. 137. На Березани в комплексе VI в. до н. э. найдена электорная монета конца VII в. с изображением протомы льва, возможно, происходящая из Милета, — Карышковский П. О., Лапин В. В. Денежно-вещевой клад эпохи греческой колонизации, найденный на Березани в 1975 г. — В кн.: Проблемы..., с. 105.

⁵⁸ Лосев. Ук. соч., с. 289.

⁵⁹ Bilabel. Op. cit., S. 83; Кобылина. Ук. соч., с. 140—142; Ehrhardt. Op. cit., S. 130 f.

⁶⁰ О том, что Канах создавал статуи богов в раннем архаическом стиле, свидетельствует его статуя Афродиты в полосе (Paus., II, 10, 5).

⁶¹ «Это творение не Батикла, но очень древнее и сделанное без всякого искусства. Если не считать того, что эта статуя имеет лицо, ступни ног и кисти рук, то все осталь-

Между Аполлоном-стрелком и львом, как показывают милетские монеты, также существовала культовая связь. Небезынтересно в свете современной трактовки этой эпиклезы Аполлона — Φιλῆσιος (Дружелюбный), которого якобы изображала статуя Канаха (Plin., NH, XXXIV, 75), упоминание в березанской надписи эпитета φίλι(ο)ς, довольно близко стоящего к этой эпиклезе и по существу ей равнозначного⁶². Ф. Билябель прямо указывает, что собственное имя этого бога в Дидимах было Φιλῆσιος (Φίλιος)⁶³. Недавно Н. Эрхардт на основании того, что данная эпиклеза Аполлона не зафиксирована эпиграфически в Милете, в частности в Дидимах, пришел к выводу, что Аполлон с такой эпиклезой вряд ли здесь почитался в архаическое время⁶⁴. Однако березанская надпись показывает обратное, подтверждая свидетельства древних авторов и в какой-то мере разъясняя культовую сущность архаического Аполлона в Дидимах — защитника, миротворца, охотника, но не война. И что особенно важно, она непосредственно указывает на связь его с Аполлоном Ἴητρος (Врачом)⁶⁵.

До сих пор, по верному замечанию Н. Эрхардта, этот культ представляет настоящую проблему⁶⁶, вызванную в основном тем, что Аполлон Врач абсолютно неизвестен не только в Милете, но и в других средиземноморских городах (здесь он имел другие эпиклезы, обозначающие его целебные и врачебные функции). Довольно часто в связи с этим эпиклезу Врач трактуют очень узко, объясняя ее в основном только медицинскими целительными свойствами Аполлона. Это вытекает как из самого названия «Врач», так, естественно, и того, что Аполлон у древних писателей, начиная с Гомера, часто выступает как бог-целитель, отвратитель зла, врачеватель (Hom., II, XVI, 508—531; Dio. Chrys., I, 419; Ovid., Met. I, 521; Paus., I, 3, 4; Callim., Hymn. II, 38—41; Muth. Vat. III, 8, 15). Однако эпиклеза Ἴητρος, зафиксированная многими эпиграфическими памятниками в понтийских колониях, упомянута вне их только Аристофаном и Ликофроном (Aristoph., Av. 584; Plut. 11; Lycophr., 1207, 1377), которые не раскрывают ее сущности.

Комплексное исследование разнообразных источников показывает, что этот культ был значительно сложнее, чем кажется на первый взгляд. Аполлон Врач почитался лишь в понтийских колониях Милета: Аполлонии, Истрии, Тире, Борисфене, Ольвии, боспорских полисах и Синопе⁶⁷. В Аполлонии, Истрии и Пантикапее он к тому же был главным божеством на протяжении довольно значительного периода их истории. В Истрии существовала целая семья, в которой должность жреца Аполлона Врача передавалась по наследству, что послужило поводом сравнивать ее с дидимскими жрецами Бранхидами⁶⁸. В посвяtitельной надписи V в. из Ольвии Аполлону Врачу на круглом мраморном постаменте, поставленном ольвиополитом Ксантом, этот бог вообще именуется «владыкой Истра»⁶⁹.

ное подобно медной (бронзовой) колонне. На голове статуи шлем, в руках — копье и лук» (Paus., III, 19, 1. Пер. С. П. Кондратьева).

⁶² Идентичная эпиклеза Φίλιος применительно к Аполлону Дидимейскому имеется только у Конона (Nag. 33). Личное имя Φίλις встречается редко (Jeffery. LSAG, p. 303; Lazzarini. Op. cit., № 179), Φιλῆσιος — чаще (Lazzarini. Op. cit., № 899), но все они больше всего характерны для ионийских колоний (Ehrhardt. Op. cit., S. 36).

⁶³ BiLabel. Op. cit., S. 83.

⁶⁴ Ehrhardt. Op. cit., S. 131.

⁶⁵ В этой части надписи, как и в некоторых других словах, пропущены буквы. Возможно, именно под влиянием стандартной формы эпиклезы Ἴητρος допущена метатеза ἰητρος вместо ἰητρος (род. п. от ἰητήρ).

⁶⁶ Ehrhardt. Op. cit., S. 144.

⁶⁷ IGBR, I², 399, 400, 403; ISM, I, 1, 34, 54, 63, 104, 144, 169, 314; Виноградов, Русьева. Ук. соч., с. 30 сл. (с лит.); КБН, 6, 10, 25, 974, 1037, 1044.

⁶⁸ ISM, I, p. 281—283.

⁶⁹ Русьева А. С. О функциональном назначении нового общественного комплекса Ольвии. — В кн.: Тезисы докладов XVIII конференции Института археологии АН УССР. Днепропетровск, 1980, с. 109; она же. Исследование Ольвии на участке АГД. — АО 1979 г. М., 1980, с. 332; Vnogradov Ju. Olbia. Geschichte einer altgriechischen Stadt

Такими эпikleзами, происхождение которых связывается с ионийской традицией, владели очень немногие божеества. Постамент, судя по этнониму, был предназначен для вывоза в Истрию, однако по каким-то причинам не был туда доставлен и был установлен на втором теменосе Ольвии.

Принято считать, что в Ольвии Аполлон Врач по сравнению с Аполлоном Дельфинием занимал второстепенное место, однако его роль в религиозной жизни этого полиса и тем более Борисфена оставалась не до конца выясненной. Ю. Г. Виноградовым на основании различных источников было высказано предположение, что функции Аполлона Врача были шире просто медицинских: они скорее всего приближались к сфере прерогатив богов-спасителей — на море, от житейских бед и болезней, военной опасности и т. д., и кроме того Врач был специальным божеством — покровителем первых колонистов, будучи тесно связанным по своим функциям с Аполлоном Дельфинием⁷⁰. Исследователь полагает, что культ Аполлона Врача — божеества первых понтийских колонистов из Милета — был учрежден оракулом⁷¹. Эта гипотеза была поддержана и развита Н. Эрхардтом, связавшим его конкретно с дидимейским оракулом⁷². Интерес Дидима к колонизации он объясняет не только стремлением расширить число почитателей бога, но и сакральным аспектом — пропагандой собственного культа, что связывается им с политикой милетских тиранов⁷³. Эта гипотеза была оспорена В. П. Яйленко, приводящим единственный и, как ему кажется, решающий аргумент: якобы «присутствие Аполлона Врача в текстах на амулетах, то есть на средствах целительной магии (№ 131—137)»⁷⁴ является противоречащим мнением об этом божеестве как покровителе первых колонистов. Однако, не говоря уже о том, что прочесть имя Аполлона и тем более Врача в этих магических и беспорядочно разбросанных буквах и буквообразных значках можно только при большом желании, такой подход к решению этого вопроса на основании узко подобранных как в тематическом, так и хронологическом плане надписей, без учета разнообразных данных из других милетских апоийки Причерноморья, где это божеество выступало в роли верховного покровителя полиса, противоречит методике изучения культов.

Как раз на Березанском поселении имеются самые ранние свидетельства о существовании этого культа. Помимо ранее опубликованных граффити, наиболее древнее из которых относилось к середине VI в.⁷⁵, в последнее время найдено посвяtitельное граффито на обломке венчика родосско-ионийского килика первой четверти VI в., которое по ряду палеографических признаков⁷⁶ можно датировать тем же временем⁷⁷ (рис. 3, 1; 4, 1).

Вторая надпись с именем Ἰητροός, которую по палеографическим признакам можно датировать третьей четвертью VI в. до н. э., прочерчена на костяной пластинке из Березанского поселения; Βορυσθενός ἐμι, [Βορυσ]θενός [μεδέων?] Ἰητροός — «Я принадлежу Борисфену — Борисфену Schwarzen Meer. — Xenia. Konstanzer althistorische Vorträge und Forschungen. Konstanz, 1981, Н. 1, S. 22. Присоединяюсь к более точной датировке этого памятника — вторая четверть V в., предлагаемой Ю. Г. Виноградовым на основании палеографии: Руслева А. С. Культура, искусство, религия. — В кн.: Археология Украинской ССР. Т. II. Киев, 1985.

⁷⁰ Vinogradov. Griechische Epigraphik..., S. 299 f.; Виноградов, Руслева. Ук. соч., с. 30 сл. (с лит.).

⁷¹ Vinogradov. Griechische Epigraphik..., S. 300.

⁷² Ehrhardt. Op. cit., S. 145 f.

⁷³ Ibid., S. 146.

⁷⁴ Яйленко. Ук. соч., с. 289, прим. 68.

⁷⁵ Виноградов, Руслева, Ук. соч., с. 31.

⁷⁶ Guarducci. Op. cit., p. 260—267. Написание лямбды, омеги, ро, ню, эти повторяют раннеархаические ионийские формы букв.

⁷⁷ АБ/79—656. Хранилось в домашнем архиве В. В. Лапина, сейчас — в Институте археологии АН УССР. Передано автору для публикации В. Н. Корзуевой. По росписи килика в свободной манере прочерчено посвящение [Ἀπ]δλλωνι Ἰητροί — «Аполлону Врачу». Надпись как бы вписывается в роспись сосуда и мало заметна на ее фоне.

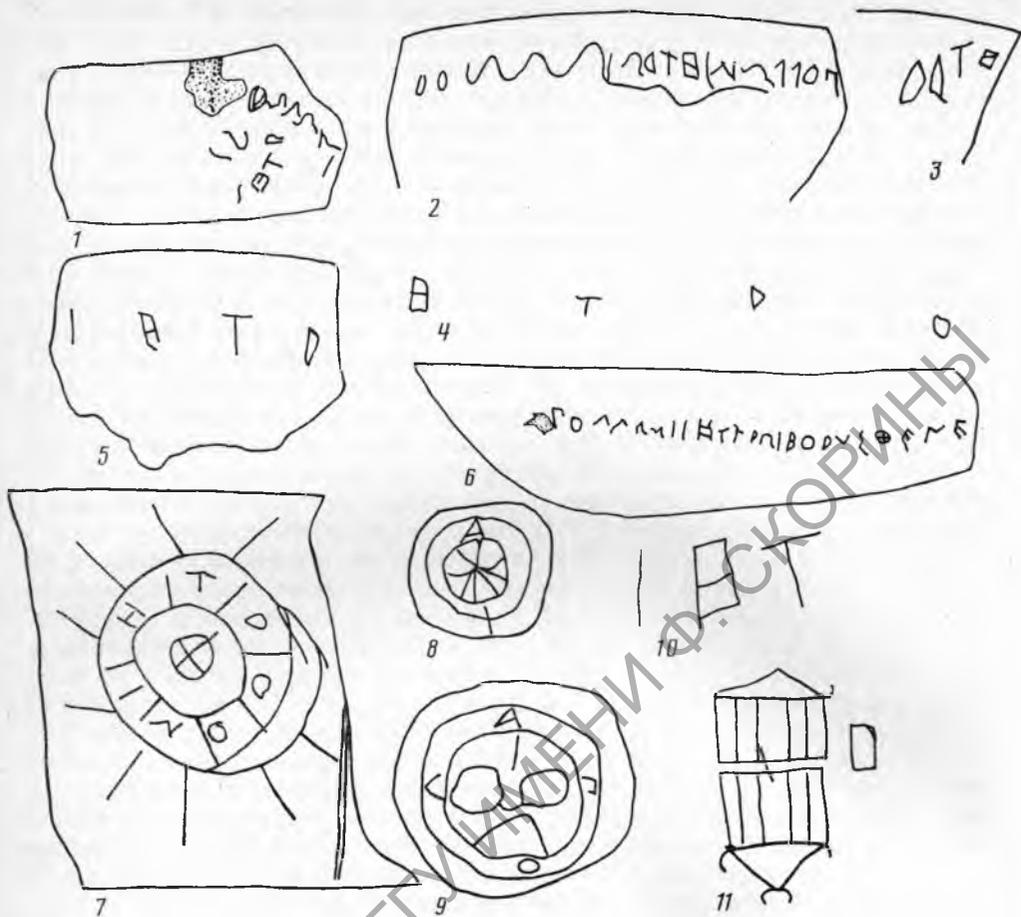

Рис. 4. Прорисы граффити на керамике и архитектурной терракоте с Березани (1) и из второго теменоса Ольвии (2—11)

на (владыка?) Врач» (рис. 5). Судя по форме и заглаженности, а также выемкам с двух сторон, пластинка скорее всего служила амулетом и долго носилась на шнурке (буквы в ее средней части почти полностью стерты)⁷⁸. Возможно, она принадлежала жрецу или другому культовому служителю Аполлона Врача. По внешней форме она сходна с ольвийской пластинкой с изображением лошади, связываемой с орфиками, но значительно меньше ее⁷⁹.

В надписи, заслуживающей, естественно, отдельной публикации, для нашего исследования важны два момента: наличие топонима «Борисфен», указывающего с достоверностью, что уже по крайней мере в третьей четверти VI в. до н. э. поселение носило именно это, а не какое-то другое название⁸⁰; непосредственная связь культа Аполлона Врача с этим поселе-

⁷⁸ АБ/76—1036. Передана автору для публикации Н. А. Лейпунской из коллекции березанских материалов В. В. Лапина, хранящихся в Киевском Археологическом музее, за что выражаю ей свою благодарность. Пластинка имеет прямоугольную форму с сильно скругленными углами размером 5 × 3,2 см. Края и внешняя сторона тщательно заполированы, оборотная сторона в меньшей степени. Надпись прочерчена тонким острием очень небрежно на всей поверхности пластинки, сохранилась плохо. Многие буквы сильно затерты, просматриваются с трудом, особенно это касается второго слова Βορυσθένης vel-σθένης и Ἴητρος.

⁷⁹ Русяева. Орфизм..., рис. 5.

⁸⁰ Это опровергает другие предположения: Bravo B. Une lettre sur plomb de Berezan. — DHA, 1974, v. 1, p. 111 sq., 170—176 — Θωρά; Яйленко. Ук. соч., с. 276 — Ἀρβινάται или Ἀρβίνας.

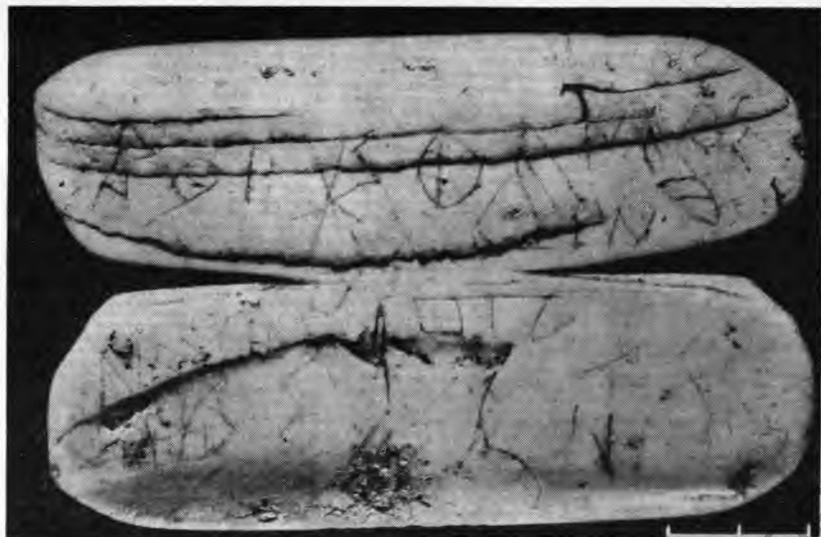

Рис. 5. Костяная пластинка с Березани с надписью

нием." Вряд ли под вторым Βορυσθένης скрывается название реки Борисфен. Наличие здесь культового имени Аполлона Ἴητρος — архегета и покровителя апойкии — указывает на его культовую связь с Березанью. В первом же названии, судя по формуле, скорее следует видеть культовое имя бога реки ⁸¹. Второй раз слово «Борисфен», хотя и дано в том же падеже, что и в начале надписи, однако по аналогии с ольвийским посвящением Ксанта Аполлону Врачу — владыке Истра (т. е. Истрии) — можно полагать, что здесь Аполлон Врач тоже выступает как владыка Борисфена ⁸². Эта параллель интересна и тем, что обе апойкии возникли по существу одновременно, под эгидой одного бога, очевидно, из одной метро-

⁸¹ Это уже второе свидетельство о существовании речного божества Борисфена в архаическое время. Первое имеется в неопубликованном пока «письме жреца» на стенке амфоры стиля Фикеллур, датируемой временем около середины VI в., из Ольвии (см. Vinogradov. Olbia, S. 15).

⁸² Это первое наиболее полное и раннее написание топонима Борисфен в эпиграфике Березанского поселения. До этого имелись лишь свидетельства (имеются в виду самые древние) Геродота (IV, 78, 79), однако в приложении этого названия к Ольвии.

полии и в VI в. до н. э. имели много общего в своем развитии⁸³. При данном толковании этой надписи возникает противоречие между ее внешней формой, предназначенной для ношения в виде амулета, и содержанием, не свойственным для такого рода надписей, носивших зачастую частный характер. Граффито как бы утверждает достоверность принадлежности этого культа Борисфену в его противопоставлении речному божеству, что могло быть вызвано какими-то событиями; это станет яснее при дальнейшем рассмотрении новых материалов о культе Аполлона Врача из Ольвии и текстов надписей на первой пластинке с Березани.

Исследование второго теменоса Ольвии в последние годы также внесло значительные коррективы в существующие представления об этом культе. Полученные материалы (строительные остатки, большое количество архаической архитектурной терракоты, посвяительные граффити) позволяют считать, что первоначально (как минимум со второй четверти VI в. до н. э.) данный теменос был связан с культом Аполлона Врача⁸⁴. К самому раннему периоду относится разрушенный слой вымостки культовой площадки из известняково-ракушечной крошки, в одном месте которой на площади 2 × 1,8 м были найдены обломки только родосско-ионийской керамики, самые поздние фрагменты которой датируются (стиль Tardif) 580—560 гг. до н. э.⁸⁵ На трех обломках этой керамики частично сохранились граффити, указывающие на почитание здесь Аполлона Врача⁸⁶ (рис. 3, 2—4; 4, 2, 3, 5).

Ко второй половине VI в. до н. э. относится уникальный комплекс архаической архитектурной терракоты (фрагменты полихромных капителей, акротериев, антефиксов, различных типов сим), украшавших здесь в это время храмы и алтари⁸⁷. На некоторых из них имеются прочерченные надписи и рисунки в их связи с культом Аполлона Врача, несомненно указывающие на принадлежность их храму и алтарю этого бога⁸⁸. Наибольший интерес представляет надпись на боковой грани симы милетского производства⁸⁹: [A]πόλλωνι Ἰητροῖ Βορυσθένης[ος (μεδίζοντι)]? — «Аполлону

⁸³ Русяева. Деякі риси..., с. 3—7.

⁸⁴ Русяева А. С. Новый культовый участок в Ольвии. — Тезисы докладов семинара «Проблемы истории Ольвии», 1985; она же. Архаическая архитектурная терракота из Ольвии. — В сб.: Античные древности Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1987 (в печати); она же. Новые данные о культе Аполлона Врача в Ольвии. — Там же.

⁸⁵ Аналогичная керамика найдена в Истрии (Alexandrescu. Op. cit., pl. 6—12), в большом количестве — на Березани, а также в Ольвии (Копейкина Л. В. Некоторые итоги исследования архаической Ольвии. — ХКААМ. М., 1976, с. 131—142). Архаическая керамика из культовой площадки второго теменоса по существу повторяет те же типы родосско-ионийской керамики, которые были найдены ранее в южной части верхнего плато Ольвии. Кроме того, здесь найдены и небольшой фрагмент родосско-ионийского сосуда еще последней четверти VII в.

⁸⁶ Наиболее полная надпись прочерчена на внутренней стороне венчика родосско-ионийской чаши первой половины VI в. до н. э. в ретроградной манере [A]πόλλωνι Ἰητροῖ — «Аполлону Врачу» (рис. 3, 2; 4, 2); вторая (сокращенная) — на внешней стороне тарелки стиля Tardif в той же манере письма: [I]ητροῖ — «Врача» (рис. 3, 3; 4, 3); третья надпись имеется на ручке родосско-ионийского кратера того же стиля, состоит из четырех первых букв эпиклезы Аполлона — Ἰητρο(δς), т. е. посвящение Ἰητρο(δς) или Ἰητρο(δ) (рис. 3, 4; 4, 5). Следует отметить сходство шрифта в данных граффити (для бды с одной короткой линией, эти, замкнутой в прямоугольник, ро без вертикальной нижней черточки и др.), которые соответствуют датировке сосудов. Скорее всего эти надписи, соответственно аналогичным из Милета, были прочерчены не позже второй четверти VI в. до н. э. (Jeffery. LSA G, pl. 64).

⁸⁷ Подобного комплекса архаической архитектурной полихромной терракоты не найдено пока не только ни в одном из античных городов Северного Причерноморья, но и в Малой Азии (сравнительно с опубликованной — Akerström A. Die architektonischen Terrakotten Kleinasiens. Lund, 1966).

⁸⁸ Лишь на одном фрагменте черепицы этого времени имеется граффито ΜΗ (Μητροί, Μητρος).

⁸⁹ Сима по всем данным совпадает с милетской из храма Афины на Калабак Тепе в Милете (Gerkan A. Kalabak Tepe. Athenatempel und Umgebung. Milet. Bd. I, 8. V., 1925, S. 20 f.).

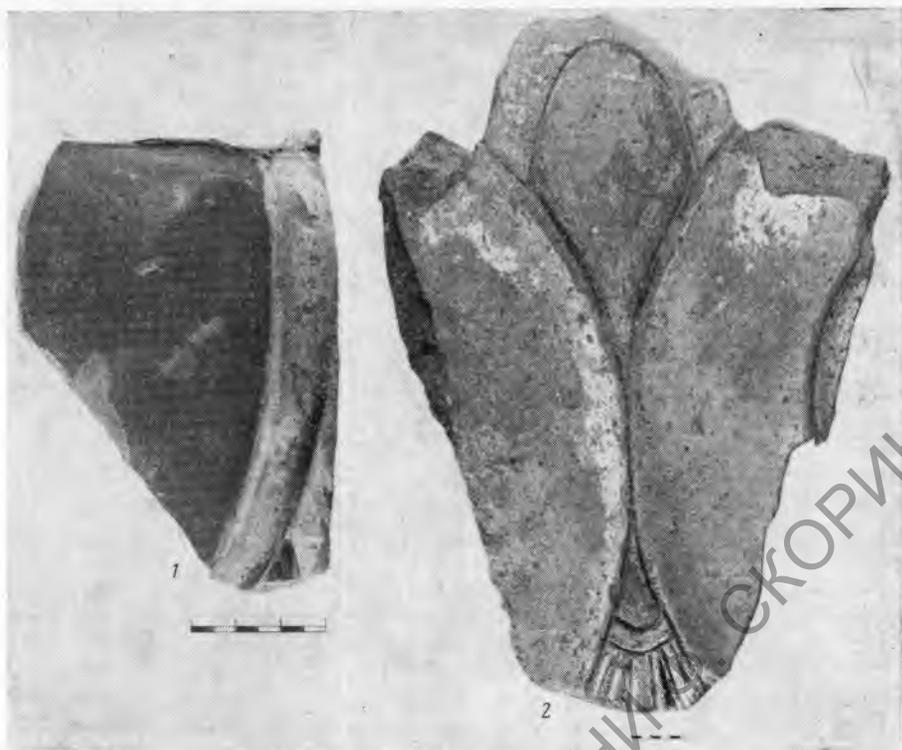

Рис. 6. Фрагменты полихромных симы и акротерия из второго теменоса с граффити

Врачу, (владыке?) Борисфена»⁹⁰ (рис. 3, 5; 4, 6; 6, 1). Топоним указывает на то, что, во всяком случае, еще в третьей четверти VI в. Ольвия, очевидно, тоже носила название Борисфен соответственно названию объединенного полиса⁹¹. Подношение сделано, по всей вероятности, строителем храма этого бога.

Второе граффито прочерчено на фрагменте расписной палметты от терракотового акротерия этого же времени с его оборотной стороны: Ἰητ(ρῶι, -ρῶ) — «Врачу (или Врача)», возможно, служило маркировкой храма (рис. 4, 10; 6, 2). Еще одно граффито с аналогичным культовым именем Аполлона имеется на фрагменте антефикса в виде горгонейона в его центральной части на фоне белых ов, украшающих терракоту: [Ι]ητρῶ — «Врача» (рис. 3, 8; 4, 4). На фрагменте расписного терракотового акротерия представлена большая *альфа* и прямоугольник с оборотной стороны.

Разнообразие архитектурной терракоты из второго теменоса свидетельствует в пользу того, что уже в пределах третьей четверти VI в. здесь

⁹⁰ Отсутствие окончания в топониме, естественно, не дает полной уверенности в том, что данное восстановление надписи является единственно возможным. Однако по аналогии с ольвийской надписью Аполлону Врачу, владыке Истра, и сравнительно широким применением этой формулы к божествам, особенно в Северном Причерноморье, следует полагать, что мы имеем дело с тем же случаем. Любопытно, что с самого раннего времени в метрополии Борисфеном называлась и Ольвия. При этом нельзя не вспомнить и музу Βορυσθενίς (*Clem. Alex., Strom. I, 131,8*), которую В. Д. Блаватский и П. О. Карышковский связывали с рекой Борисфен, допуская знакомство греков с этими местностями в доколониальный период (*Блаватский В. Д. Βορυσθενίς. — ВДИ, 1968, № 4, с. 120; Карышковский П. О. Заметки об Ольвии и Борисфене. — ЗОАО, 1967, 11(36), с. 75 сл.*), а также упоминание о разрушенном алтаре Борисфена (или Борисфениды) — см. *Vinogradov. Olbia, S. 16; Roussiaieva A. Les cultes agraires à Olbia Pontique. — ДНА, 1983, т. 9, р. 186.*

⁹¹ *Виноградов Ю. Г. О политическом единстве Березани и Ольвии. — ХКААМ. М., 1976, с. 80 сл.*

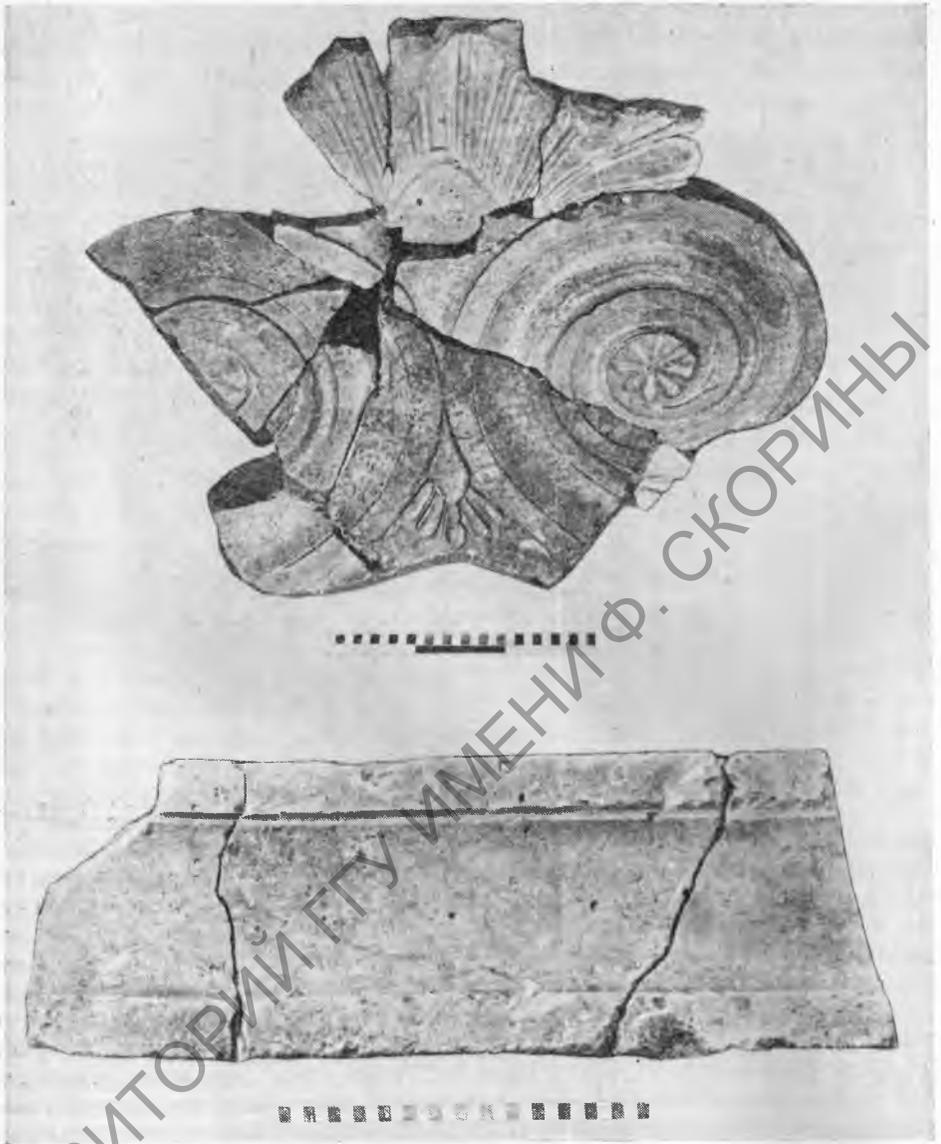

Рис. 7. Акротерий и сима из второго теменоса Ольвии (порос)

был сооружен небольшой храм с деревянно-сырцовыми конструкциями и антаблементом из терракотовых облицовочных плит, а также алтарь (или алтари)⁹². На принадлежность этой терракоты храму Аполлона Врача указывают рассмотренные выше фрагменты симы и акротерия с посвятельными надписями этому божеству. Однако исходя из того, что многие обломки этих украшений были найдены в слое вымостки культовой площадки и ямах последней четверти VI в. до н. э., этот храм, по всей вероятности, существовал непродолжительное время. Это подтверждается и сооружением здесь монументального каменного храма в конце VI — начале V в., открытого пока частично. Этому храму принадлежали найденные в ботросе фрагменты большого двухволютного расписного акротерия и

⁹² Некоторые симы по размерам, составу глины и росписям полностью совпадают с милетскими, из чего вытекает, что они могли изготавливаться в одной мастерской, возможно, по заказу.

соответствующих ему фронтальных сим из пороса ⁹³ (рис. 7), которые можно отнести к этому же времени ⁹⁴.

Очевидно, именно с этим храмом можно связывать граффито на обломке четырехгранного калиптера, заканчивавшегося, по-видимому, двух-волютным расписным антефиксом последней четверти VI в. (рис. 3, б; 4, 7). Он представляет собой рисунок, состоящий из трех неправильной формы концентрических окружностей. Во внутренней прочерчены две перекрещивающиеся линии. От среднего круга в стороны отходят семь прямых линий, в секторах между ними прочерчено по одной букве, что вместе составляет название храма Аполлона Врача — Ἰητροῦν. От третьего круга, внизу которого имеется дополнительное полукружие, отходят в разные стороны еще девять прямых линий.

Название храма значительно проясняет символику всего рисунка: центральный круг имитировал колесо — солярный символ Аполлона ⁹⁵, изображавшийся на монетах (Истрии и Ольвии); прямые линии, — возможно, солнечные лучи (их число, особенно 7, как было показано выше, имело большое значение в его культе), а сам круг — имитация солнечного диска, а соответственно ему и алтаря круглой формы или барабана колонны, учитывая строительный характер посвящения (круг с мениском, возможно, имитировал изображение алтаря в ракурсе).

Помимо этих граффити следует также отметить два остракона из стенки амфоры и сероглиняного сосуда, которые также можно связать с культом Аполлона Врача. На первом, круглой формы, изображены тоже две концентрические окружности; в центральной прочерчено восемь крестообразно расположенных прямых линий, также, очевидно, имитирующих колесо, как и на калиптере с названием храма (рис. 4, 8). Внизу и сверху колеса прочерчено по букве: по всей вероятности, архаическая *альфа*, внизу — *йота*, т. е. начальные буквы имени Аполлона и его эпиклезы Ἰητροῦς. На втором (тоже круглой формы) очень схематично нарисована, очевидно, маска Горгоны, очерченная двумя кругами, в свободном пространстве которых крестообразно размещены четыре буквы АΠΟΛ имени Ἀπόλλων (рис. 4, 9). Буквы имеют архаичную форму и могут датироваться не позже первой половины V в. до н. э. Связь Аполлона с Горгоной прослеживается как в самой Ольвии — по вышеупомянутому антефиксу в виде горгонейона с граффито (эпikleза Ἰητροῦς) и бронзовым уссам с Горгоной, так и в Милете: фриз архаического Дидимейона был украшен рельефами с изображением Горгоны в схеме бега на фоне веерообразно раскрытых крыльев ⁹⁶.

Символика круга в культе Аполлона Врача, восходящая к солярной сущности этого бога, позволяет считать, что его алтарь в Ольвии имел не только прямоугольную, но и круглую форму. В связи с этим открытый на

⁹³ Обломки этого акротерия и сим вместе с другими архитектурными деталями в последней четверти V в. были сброшены в ботрос. Коньковый акротерий (высотой около 1 м), сохранившийся фрагментарно, представляет собой две сходящиеся к углу волюты, между которыми помещены пальметты. Вогнутые ленты волют, центральные розетки и лепестки пальметт были окрашены красной краской, рельефные ранты на волютах, чаши и островидные стержни пальметт — синей. Ложкообразные лепестки пальметт акротерия и форма стержней сходны с пальметтами терракотовых антефиксов, найденных в большом количестве на участке.

⁹⁴ *Koenigs W. Bauglieder aus Milet II. Milet 1978—1979. Ist. Mitt., 1980, Bd. 30, S. 70—73, Taf. 33—34.* Не исключено, что данные архитектурные украшения, в частности акротерий, также были изготовлены в Милете, что подтверждается как сходными элементами в его устройстве, так и материалом, из которого он сделан. Здесь же была найдена пальметта от небольшого углового акротерия от алтаря из такого же камня (пороса), которая имеет полную аналогию по форме лепестков с акротерием из милетского Дельфиниона (*Koenigs. Op. cit., Taf. 35*).

⁹⁵ Его изображение имело самую различную форму, связывалось и с другими культами (см., например, *Cook A. B. Zeus. A Study in Ancient Religion. Cambr., 1914, p. 197—219*). Посвящение бронзового колеса Аполлону известно на Родосе (*Guarducci. Op. cit., fig. 165*).

⁹⁶ *Кобылина. Милет, с. 105, рис. 35.*

Рис. 8. Культурный комплекс второго теменоса: алтарь, жертвенники, основание вотивной стелы

втором теменосе алтарь в виде известнякового монолита цилиндрической формы второй половины V в., поблизости от которого были найдены рассмотренные граффити и находился более древний храм, можно также отнести к его культуре (рис. 8). Рядом с алтарем были расположены 13 жертвенников в виде каменных четырехугольных загоронок с обязательным открытым входом с востока. В древности они все, видимо, были перекрыты специальными блоками треугольной формы в сечении, которые были найдены среди загоронок или поблизости от них. Восемь загоронок были сооружены одновременно с алтарем, судя по нижнему уровню их расположения, очевидно, в пределах второй половины V в. Остальные позже — они находятся на 0,20—0,25 м выше уровня подошвы алтаря. В трех наиболее поздних загородках *in situ* стояли чернолаковые канфары первой половины IV в. Не исключено, что загоронок здесь было значительно больше, но в процессе их разрушения они сносились и заменялись другими. В большинстве из них на полу находилась каменная плоская плита или же пол был вымощен ракушечно-известняковой крошкой. На одном уровне с поздними загородками с северной стороны на каменной вымостке лежала большая известняковая плита со специально вырезанным углублением прямоугольной формы, сохранившим толстый слой свинца для крепления стоявшей здесь вотивной стелы. Судя по остаткам других вымосток такого рода, здесь находилось несколько стел или же статуй⁹⁷.

Культурные загородки по своей форме имитировали прямоугольное сооружение с двускатной крышей и фронтоном и, таким образом, были в то же время вотивным условно-схематическим сооружением в виде храма. Изображение шестиколонного храма в зеркальном отражении, возможно,

⁹⁷ Алтарь с боков и в верхней части был тщательно отесан. На его поверхности сверху — глубокие трещины и выемки от горения и выветривания, что указывает на его длительное пребывание на открытом воздухе. Высота алтаря — 0,60 м, диаметр — 1,20 м. Загородки сооружены из трех вертикально поставленных орфостатов или необработанных плит (различной породы камня) и имели самые различные размеры по внутреннему контуру (от 0,27 × 0,20 × 0,23 м до 0,45 × 0,33 × 0,37 м). Размеры основания для стелы: 0,65 × 0,64 × 0,14 м.

представляющего два фасада, и рядом стоящего алтаря прочерчено на фрагменте коринфского калптера V в. из данного теменоса (рис. 3,7; 4,11). В его ботросах были найдены также вотивы из специально распиленной черепицы, в основном коринфских калптеров, которые по своей форме также могли имитировать крышу или фронтоны храма. Аналогичные жертвенники и вотивы нам неизвестны, возможно, они представляют ритуальное творчество ольвиополитов, связанное с какими-то особыми событиями как в судьбе культа Аполлона Врача в Ольвии, так и его храма. И вотивы и жертвенники относятся уже к тому времени, когда монументальный храм этого бога не существовал и происходило постепенное затухание его культа. Сакральная имитация храма (причем довольно продолжительное время) свидетельствует скорее всего о его гибели ⁹⁸.

Таким образом, полученные за последнее время материалы из второго теменоса Ольвии свидетельствуют о том, что здесь, как и во всех остальных милетских апоекциях на Понте, основанных во второй половине VII — первой половине VI в., первоначально главным полисным божеством был Аполлон Врач, а не Аполлон Дельфиний, как было принято считать. В процессе формирования его культа соответственно внутри- и внешнеполитическим причинам в каждом из полисов происходили различные изменения. Так, в Истрии, Аполлонии и Пантикапее этот культ оставался главным на протяжении длительного периода ⁹⁹, причем в процессе его развития на этот культ наслаивались различные мифологические и религиозные мотивы, значительно усложняя и обогащая его культовую сущность.

Совершенно по-иному сложилась судьба культа Аполлона Врача на Березанском поселении и в Ольвии. Именно этот бог на раннем этапе истории Борисфена и Ольвии играл главную роль в их многоликом пантеоне. Аполлон Врач, исходя из того, что он длительное время был верховным божеством в западнопонтийских колониях и Пантикапее, с самого начала выступал как заступник всего полиса. Это особенно отчетливо подтверждается монетами Аполлонии Понтийской, воспроизводящими статую Аполлона Врача, на что указывает размещенная рядом надпись ¹⁰⁰. Здесь представлен тип стоящего обнаженного Аполлона с лавровой или оливковой ветвью в одной руке и луком (в некоторых случаях две стрелы и лук) — в другой. Считается общепринятым, что данное изображение воспроизводит колоссальную статую Аполлона Врача, которую специально по заказу Аполлонии изготовил известный скульптор Каламис в V в. до н. э. и которая в 72 г. до н. э. была увезена в Рим ¹⁰¹. Этот Аполлон Врач изображен с луком — тем же атрибутом, что и дидимейский Аполлон.

В этой связи особенно важное значение приобретает изображение на одном типе ольвийских монет II в. н. э. архаической статуи Аполлона, который в одной руке держит большой лук со стрелой, а в другой — какой-то круглый предмет (шар, плод, чашу) ¹⁰². На архаический тип ольвий-

⁹⁸ Возможно, дальнейшие исследования остатков храма дадут больше информации о нем. В настоящее же время ясно, что он был разобран по существу до основания еще в V в. и на его месте была насыпана мощная площадка из почти чистой глины.

⁹⁹ *Vinogradov. Griechische Epigraphik...*, S. 300. В Тире культ Аполлона Врача засвидетельствован лишь одной надписью: *Nicorescu P. Fouilles de Tyras. — Dacia, 1927—1932, № 3—4, p. 564*. И если бы имелись данные о том, что именно этот культ здесь был главным, можно было бы с уверенностью считать, что первое греческое поселение в Нижнем Поднестровье было основано одновременно или немногим позже Истрии, Борисфена, Аполлонии Понтийской или Ольвии, где изначально архететом выступал Аполлон Врач. Однако для этого не имеется пока ни эпиграфических, ни археологических данных, хотя культурно-идеологическая близость с этими полисами скорее всего указывает на государственный характер этого культа и в Тире, что, впрочем, не исключает его почитание здесь под воздействием той же Истрии или Ольвии.

¹⁰⁰ *Pick B., Thrakische Münzbilder.* — JDAI, 1898, Bd. 8, S. 168 f.

¹⁰¹ *Dörig J. Kalamis—Studien.* — JDAI, 1965, Bd. 80, S. 230 f.

¹⁰² *Бурчков П. О. Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря. Одесса, 1884, табл. 8, 178; Pick. Op. cit., S. 172 f.; Хирст Дж. Ольвийские культы. — ИАК, 1908, вып. 27, с. 87—89; Зограф. Ук. соч., с. 143.*

ского Аполлона указывает калаф на голове бога. Воспроизведенную на монете статую Б. Пик на основании этого головного убора и внешнего облика относил к началу или середине VI в. до н. э. и считал ее древнее статуи Аполлона в Дидимах скульптора Канаха, деятельность которого обычно относят к последней четверти VI в. Его точка зрения заслуживает особого внимания в свете рассматриваемых вопросов о культе Аполлона Врача. По аналогии со статуей Аполлона Врача с луком из Аполлонии можно с большой долей вероятности сказать, что на ольвийских монетах также воспроизведена бронзовая статуя этого бога, стоявшая в Ольвии, однако значительно более древняя. Возможно, что еще в первые века нашей эры эта архаическая статуя Аполлона находилась в Ольвии¹⁰³, судя по точному изображению атрибутов бога и их расположению. Учитывая, что в это время в Ольвии, как и во всем античном мире, особенно сильно проявлялась архаизация во всех сферах духовной жизни, воспроизведение архаической статуи Аполлона, ставшей за века истории Ольвии своего рода кумиром, вполне закономерно¹⁰⁴. Имеются на ольвийских монетах I—II вв. изображения головы Аполлона в тени и лука.

Скорее всего, в Дидимах до создания статуи Канаха и в Аполлонии — до Каламиса находились более древние скульптуры Аполлона с луком, которые послужили прототипом для создания знаменитых в древности скульптур, во всяком случае в отношении сходства атрибутов. Аполлон в Дидимах в другой руке держит оленя или лань; плохая сохранность ольвийских монет, миниатюрность и нечеткость изображения не дают возможности для более точного определения второго атрибута ольвийского Аполлона, который обычно называют круглым предметом или чашей. Но не исключено в таком случае, что здесь было помещено изображение свернувшейся лани. А это в свою очередь могло быть свидетельством того, что раннеархаический Аполлон в Дидимах также был наделен теми же атрибутами, что и на статуе Канаха, и что ольвийская статуя Аполлона Врача воспроизводила дидимскую статую Аполлона. Однако и без этого в трех статуях Аполлона прослеживается несомненная связь, преемственность культа и его происхождение из Дидим. Этими редкими статуями ярко выражена именно стрелковая функция Аполлона Врача, соответствующая его определению как дружелюбного стрелка в березанской надписи.

Однако уже в классическое время мирная стрелковая функция Аполлона Врача потеряла, вероятно, свое сакральное значение, которое по ряду причин было свойственно архаическому Аполлону¹⁰⁵. Не исключено, что замена атрибутов произошла вследствие падения Дидим, а также того, что они перестали играть какую-либо роль вплоть до эллинистического времени в политической и религиозной жизни Малой Азии. Правда, статуи Аполлона Врача с луком продолжали стоять в Аполлонии Пон-

¹⁰³ Правда, имеется свидетельство Диона Хрисостома (XXXVI, 6) о том, что все статуи в Ольвии были повреждены в результате гетского нашествия, однако степень их повреждения могла быть самой различной и тем более вероятно то, что бронзовая статуя могла сохраниться лучше других.

¹⁰⁴ Руслева А. С. О культурной жизни Ольвии послететского времени. — В кн.: Античная культура Северного Причерноморья в первые века нашей эры. Киев: Наукова думка, 1986 (в печати). Самые ранние статуи курсов (или так называемых Аполлонов) датируются серединой — третьей четвертью VI в. до н. э. К середине VI в. относятся и постамент для статуи с надписью, которую Ю. Г. Виноградов реконструирует на основании хорошо подобранной аналогии (Виноградов Ю. Г. О методике обработки греческих эпиграфических памятников. — В кн.: Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР. М., 1978, с. 67—69).

¹⁰⁵ Любопытно, что в Ольвии в первые века нашей эры происходит и возобновление стрелковой функции Аполлона наряду с воспроизведением его архаической статуи, что подтверждается его широко известной эпиклезой *Προστάτης*. Именно Аполлон Простат во II в. становится особым покровителем ольвийских стратегов, богом-защитником, что перекликается с его функциями и в более раннее время, особенно в начале становления Борисфено-Ольвийского полиса.

тийской и в Ольвии. Однако в Ольвии в IV в. до н. э. появилась новая бронзовая статуя этого бога, созданная афинским скульптором Стратонидом¹⁰⁶, о чем свидетельствует монументальный мраморный постамент для нее с надписью. Е. И. Леви считает, что она была аналогична статуе Каламиса из Аполлонии¹⁰⁷. Сопоставление ее с изображением статуи на аполлонийских монетах, при том, что имеются изображения статуй Аполлона Врача на собственно ольвийских монетах, представляется недостаточно убедительным. Если один тип ольвийских монет II в., как уже указывалось, представляет архаическую статую Аполлона с луком, то второй — скорее статую этого бога работы Стратонида. На монетах этот Аполлон изображен опирающимся на колонку, с лавровой ветвью и лирой¹⁰⁸. Соответственно на монетах Истрии I в. н. э. также изображалась городская культовая статуя Аполлона Врача V в. до н. э.¹⁰⁹ Стоящий Аполлон представлен в длинном одеянии, держащим в одной руке лиру, установленную на колонку, в другой — чашу или плектр. На истрийском рельефе IV в. до н. э. Аполлон изображен в центре между Зевсом и Артемидой в длинном одеянии, с большой лирой в левой руке и плектром в правой¹¹⁰. Точно так же на монетах Аполлонии Понтийской в первые века нашей эры изображалась статуя Аполлона Врача работы Каламиса. Это возобновление одновременно во всех трех полисах архаической и классической традиции почитания Аполлона Врача было вызвано не только модой, но и какими-то общими политическими и социально-экономическими причинами, требующими отдельного исследования. Основные атрибуты Аполлона Врача классического времени — лавровая или оливковая ветвь и лира — продолжали мирные защитные функции этого культа и в период расцвета северо-западнопонтийских полисов.

Полисный характер культа Аполлона Врача подтверждается также выпуском наиболее ранней монеты в виде стрелы в Северо-Западном Причерноморье, представляющей символ и атрибут этого бога¹¹¹. Распространение этой монеты сразу в трех полисах — Аполлонии, Истрии, Борисфене, по всей вероятности, еще в конце VII или начале VI в. до н. э. указывает на то, что культ Аполлона Врача был учрежден в это время одновременно как полисный культ. Семантическая связь стрелы с культом Аполлона Врача помимо всего сказанного подтверждается и условно-схематическим изображением лука в горите на публикуемой костяной березанской пластинке.

Согласно археологическим данным, в начале VI в. на Березанском поселении начинается интенсивное земляночное строительство, широко осваивается хора, возникает ряд поселений по Березанскому лиману, ведется освоение Нижнего Поднепровья (Ягорлыцкое поселение), в южной части Ольвии возникает поселение. Отсюда ясно, что в данном регионе в это время численность населения значительно возросла, в какой-то мере и за счет новой колонизационной волны, что совпадает и с символикой числа 700. Интенсивное освоение Борисфеном окружающей территории, расширение сельскохозяйственной округи и торговли с автохтонами Среднего Поднепровья, Побужья и Поднестровья, выпуск собственной монеты сви-

¹⁰⁶ Леви Е. И. Ольвийская надпись с посвящением Аполлону Врачу. — ВДИ, 1965, № 2, с. 86—95; НО 65. Скорее всего эта статуя стояла на втором теменисе Ольвии (кстати, она найдена напротив него, в Заячьей балке).

¹⁰⁷ Леви. Ук. соч., с. 92.

¹⁰⁸ Хирст. Ук. соч., с. 90; Зограф. Ук. соч., с. 151 сл.

¹⁰⁹ Lambrino S. Fouilles d'Histria. — Dacia, 1927—1932, № 3—4, p. 107 sq.

¹¹⁰ Idem. La famille d'Apollon d'Histria. — Эф. Арх., 1937, № 76, p. 352—362; Pippidi. Op. cit., p. 281—283.

¹¹¹ О семантической связи монет-стрелок с культом Аполлона Врача, их греческом происхождении и широком распространении пишет В. А. Анохин (Монеты-стрелки. — В кн.: Ольвия и ее округа. Киев: Наукова думка, 1986 — в печати). В его статье приведена обширная библиография об этих монетах.

детельствуют о зарождении здесь полисной структуры ¹¹². Причем становление и сила этого полиса, согласно надписи на пластинке, стали возможны при установлении и почитании культа Аполлона Врача как τοξοφόρος φίλος, что, вероятно, было вызвано и некоторыми внутренними причинами в процессе освоения этого региона, тесно взаимосвязанными с развитием полисной структуры других западнопонтийских городов.

4. Ἑπτακί(σ)χίλι(οι)· δελφίς φρόνιμος εἰρήνη Ὀλβίη πόλι, μακαρίζω ἐκεῖ, μέμνηται Λη[?]ο[?] — «Семь тысяч: дельфин разумен (мудр) — мир Ольвийскому полису, благословляю (считаю счастливыми вас) там, я сам благословен Лето (?)». Из данного символического выражения вытекает главное смысловое значение всей надписи. Как и предыдущие выражения, оно начинается с цифрового обозначения, производного от цифры 7, однако значительно увеличенного (7000), что особенно согласовывается с той многочисленной гражданской общиной, число которой хотя и символически преувеличено, однако близко демографической ситуации, которая сложилась во второй половине VI в. в Нижнем Побужье. С. Д. Крыжицкий на основании приблизительного подсчета жителей только Ольвии в полужемлянках этого времени пришел к выводу, что количество населения при минимальных размерах города могло достигать 5800 человек, при максимальных — 10 000 ¹¹³. Количественно большая гражданская община, исходя из обширного заселения Ольвии, возникновения множества архаических поселений по обоим берегам Бугского лимана, расширения жилой площади Борисфена, появилась в Нижнем Побужье в основном в последней трети VI в. Население этого региона вряд ли когда-либо можно будет точно подсчитать из-за больших разрушений и уничтожения значительной части памятников этого времени ¹¹⁴.

Необходимо еще раз подчеркнуть, что из этого, естественно, не следует соответствие данной гражданской общины по количеству точно «семи тысячам». Важно, однако, то, что цифровая символика с постоянной мультипликацией совпадает с этапами колонизационного процесса в Нижнем Побужье и иносказательно отражает демографическую ситуацию в этом регионе на протяжении почти целого столетия. Очевидно, что столь большая гражданская община, прибывшая в Нижнее Побужье во второй половине VI в., не могла поселиться только в Березанском поселении на полуострове, хотя часть ее осела и здесь. Борисфен как в силу своих размеров, так, вероятно, и географического положения (в особенности, что касается обширности сельскохозяйственной территории) отныне не удовлетворял уже нормам политического, экономического и культурного центра в Нижнем Побужье.

Дальше в данном выражении прямо указывается название такого центра — Ὀλβίη πόλις — соответственно его смысловому содержанию благоденствующего полиса, способного удовлетворить все потребности и нужды значительно возросшего населения и, естественно, требующего определенной и твердой политической организации для постоянной жизни на новом месте. Собственно этим как нельзя лучше подтверждается, откуда, в результате чего и когда Ольвия получила свое название. Многие исследователи на основании эпиграфических и нумизматических данных считали, что город в Нижнем Побужье первоначально имел официальное на-

¹¹² Рущаева. Деякі риси..., с. 3—8. Здесь Истрия и Борисфен определяются микрополисами в территориальном, демографическом, экономическом и политическом отношении в плане сопоставления их с теми политическими структурами, которые развились на их основе несколько позднее.

¹¹³ Крыжицкий С. Д., Рущаева А. С. Найдавніші житла Ольвії. — Археологія, 1978, № 28, с. 24 = Crygitsky S. D., Roussijsaeva A. S. Les plus anciennes habitations d'Olbia. — DHA, 1980, № 6, p. 84.

¹¹⁴ Крыжицкий С. Д., Бураков А. В., Буйских С. Б. и др. К истории ольвийской сельской округи. — В кн.: Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. Киев, 1980, с. 5.

звание Ὀλβίη πόλις, во всяком случае начиная с V в. до н. э.¹¹⁵ Данная надпись подтверждает эти исследования и догадки и в то же время значительно уточняет хронологию появления данного названия. Согласно сведениям нашей надписи и археологическим данным, это могло произойти в пределах третьей четверти VI в., что согласуется и с выделением в это время главного теменоса Аполлона Дельфиния¹¹⁶, а также началом выпуска нового денежного знака в виде дельфина — как символа и атрибута этого бога.

Однако при этом нельзя забывать, что пластинка найдена на Березанском поселении и может свидетельствовать в пользу того, что первоначально центром полиса мог быть Борисфен. Именно ко второй половине VI в. относится интенсивное развитие Березанского поселения, широкое сырцово-каменное строительство жилых и общественных сооружений по регулярной планировке¹¹⁷. Священный участок этого времени здесь неизвестен; впрочем, это вовсе не исключает того, что он был заложен, как и в Ольвии, с самого начала основания поселения соответственно колонизационной практике, тем более учитывая отсутствие ближайших святилищ. Березанское поселение своим внешним обликом, если только сырцово-каменные сооружения имеют правильную датировку, отличалось от Ольвии с ее массовым земляночным строительством без определенной планировки и тем более от многих других поселений.

Выпуск Борисфеном монет-стрелок с начала VI в. свидетельствует о зарождении здесь полиса, стремящегося к расширению своей сельскохозяйственной и производственной округи (поселения по Березанскому лиману и сезонный Ягорлык), а также о налаживании торговых связей с обширными областями. В первой половине VI в. очевидно политическое и экономическое превосходство этого поселения. Заслуживает внимания гипотеза Ю. Г. Виноградова, «...что с момента основания Ольвии оба центра были связаны политическими узлами и составили один полис»¹¹⁸. То, что гражданская община, переселявшаяся в Нижнее Побужье, но оседавшая в разных его местах, мыслилась в метрополии как единое целое, подтверждается и надписью на костяной пластинке, а также тем, что название «Борисфен» неоднократно переносилось и на Ольвию.

Положение обоих центров синхронно и значительно изменилось во второй половине VI в. с появлением в данном районе большого количества новых колонистов. Не исключено, что именно в это время вновь встал вопрос о выборе центра для единого государства. Борисфен как наиболее раннее поселение вполне мог претендовать на эту роль. Однако все же, исходя из развития двух полисных культов Аполлона (Врача и Дельфиния), святилища которых открыты в Ольвии, вряд ли этот вопрос следует решать столь однозначно. Если во второй половине VII — первой четверти VI в. Борисфену принадлежала ведущая роль в этом регионе (по археологическим данным), то со второй четверти, а тем более с середины VI в. на эту роль, очевидно, начинает претендовать и Ольвия. Учитывая то, что уже

¹¹⁵ Латышев В. В. Исследования об истории и государственном строе Ольвии. СПб., 1887, с. 35; *Vilabel. Op. cit.*, S. 24—26; Виноградов. О политическом единстве..., с. 81—82. Точно такое написание названия Ольвии (Ὀλβίη) зафиксировано в исополитии между Милетом и этим городом (Milet I, 3, № 136) и на поздних ольвийских ассах с изображением Деметры. Если исополития действительно восходит к архаическому времени, т. е. времени организации Ольвийского полиса, то она тоже подтверждает время установления этого названия.

¹¹⁶ Карасев А. Н. Монументальные памятники ольвийского теменоса. — В кн.: Ольвия. Теменос и агора. М. — Л., 1964, с. 32—34; Леви Е. И. Материалы ольвийского теменоса. — Там же, с. 131—166; она же. Новые посвященные надписи Аполлону Дельфинию из раскопок Ольвии. — В кн.: История и культура античного мира. М., 1977, с. 96 сл. — наиболее ранние посвящения Аполлону Дельфинию на чернотелых киликах можно относить к третьей четверти VI в.

¹¹⁷ Копейкина Л. Ю. Новые данные об облике Березани и Ольвии в архаический период. — СА, 1975, № 2, с. 188—194; она же. Особенности..., с. 109—111.

¹¹⁸ Виноградов. О политическом единстве..., с. 81.

не позже второй четверти VI в. в Ольвии был выделен теменос главного полисного бога Аполлона Врача, где, возможно, стояла его статуя, воспроизводившаяся даже на монетах II в. н. э., а в середине VI в. в городе находились и другие монументальные мраморные статуи, привезенные из Милета, можно полагать, что здесь с самого начала был запланирован город ¹¹⁹. Вероятно, до начала массовой колонизации Нижнего Побужья он имел тоже название Борисфен ¹²⁰.

После того как сюда прибыла количественно большая гражданская община сравнительно с обосновавшейся здесь ранее, встал сложный вопрос об их новом политическом объединении; особенно интересно, что в связи с этим происходит и замена верховного полисного бога. Как именно происходила смена одного культа другим, сказать точно трудно. Однако настоящее изречение скорее всего свидетельствует о том, что без вмешательства дидимского оракула это религиозно-политическое мероприятие не было самостоятельно решено в Нижнем Побужье. Вероятно, именно какие-то политические противоречия, возникшие здесь в это время, побудили обратиться за советом к оракулу для укрепления солидарности гражданского коллектива и уверенности в его будущем мирном существовании ¹²¹.

Его прорицание, как видно, было не в пользу обосновавшейся здесь ранее общины и ее главного покровителя. Ясный намек на то, что бог с функциями *τοξοφόρος φίλιος* с переселением в Нижнее Побужье большого контингента колонистов не может быть патроном нового полиса, указывает приведение символики Аполлона в его культовой ипостаси Дельфиния, на что ясно намекает *δελφίς φρόνιμος*, способный устроить миропорядок в этом государстве. Для последнего необходим прежде всего мир (*εἰρήνη*), который не сочетается со стрелковой функцией Аполлона ¹²².

Слово *εἰρήνη* в данном выражении не случайно. Очевидно, в процессе образования нового государства не все проходило мирным путем. Не случайно мир в полисе связан в надписи с учреждением нового полисного культа Аполлона Дельфиния. Принимая во внимание то, что этот бог был главным патроном Милета и что с середины VI в. значительно возрастает роль культового союза мольпов и жрецов Дельфиниона в политической жизни этого города, а также уменьшается идеологическое влияние Дидим ¹²³, можно полагать, что культ Аполлона Дельфиния в Ольвии был учрежден дидимским оракулом под давлением жрецов Дельфиниона. Не исключено, что предводителем новой колонизационной партии, отправка которой была вызвана разорением милетской округи, а также возможными политическими неурядицами в результате установления персидского протектората над Ионией вслед за разгромом Лидийского царства в 546 г.

¹¹⁹ Это подтверждает точку зрения о том, что «поселение на месте будущей Ольвии с самого начала рассматривалось колонистами как ядро будущего города», что «развитие Ольвии по сравнению с прочими поселениями микрорайона с самого начала протекало в особом направлении» (Брашинский И. Б. — СА, 1977, № 3, с. 301 сл.; *Виноградов. Полис...*, с. 389).

¹²⁰ По Геродоту (IV, 78), борисфениты (в данном случае жители Ольвии. — А. Р.) сами себя называли милетянами. Это свидетельство можно расценивать двояко: и как то, что около середины V в. ольвиополиты помнили свое происхождение из Милета, и как сохранение первоначального названия апойкии. Возможно, что существовало и неофициальное наименование Ольвии Милетополем, о котором упоминает Плиний (NH, IV, 75).

¹²¹ Практика обращения к оракулу перед выведением колонии, естественно, не исключает и того, что перед выселением был запрошен оракул. Однако в нашем случае это скорее всего могло произойти после обоснования здесь большей гражданской общины.

¹²² В этом противопоставлении двух функций Аполлона заключена в то же время глубокая философская сущность религии этого бога, нашедшая разработку в позднейших сочинениях древних авторов (см. Лосев. Ук. соч., с. 491—530, с лит). Противопоставление заключено и в предыдущих свойствах культа Аполлона, представленных в надписи, и в то же время в перерастании одной функции в другую и их соединении.

¹²³ Jeffery. *Archaic Greece...*, p. 214; Карышковский П. О. Ольвийские мольны. — В кн.: Северное Причерноморье. Киев, 1984, с. 42—51.

и заключения Милетом союза с Киром (Herod., I, 153—169)¹²⁴, был бывший жрец Дельфиниона или же в той гражданской общине, которая прибыла сюда в это время, было много почитателей Аполлона Дельфиния. Во всяком случае даже по тем данным, которые имеются в настоящее время, представляется, что в Ольвии во второй половине VI — начале V в. происходила какая-то борьба между двумя влиятельными группировками. Одна из них почитала Аполлона Врача и, естественно, представляла давно обосновавшуюся здесь общину, другая предпочитала Аполлона Дельфиния в роли главного полисного культа и соответственно принадлежала к новой волне переселенцев, стремившихся захватить политическое влияние как в городе, так и вообще в данном регионе.

Сходные явления были нередки на колонизованных землях, куда периодически переселялись новые колонисты¹²⁵. Обычно господствующее положение занимали первопоселенцы, захватившие лучшие земли и успешные укрепиться на новом месте, они имели преимущественные сословные и даже политические права, многие из них представляли полисную аристократию. Приток эпойков довольно часто вызывал внутренние конфликты, за счет них возрастал демос, не имевший больших гражданских прав.

По археологическим материалам из Ольвии во второй половине VI в. также прослеживаются определенные конфликтные ситуации между двумя религиозно-политическими группировками, нашедшие отражение в развитии двух культов и прежде всего в устройстве двух теменосов Аполлона. Как было показано выше, раскопки второго теменоса Ольвии свидетельствуют о том, что культ Аполлона Врача был учрежден значительно раньше, чем Аполлона Дельфиния. В настоящее время не вызывает сомнений, что уже не позже второй четверти VI в. под священный участок Аполлона Врача была выделена определенная часть территории города. Первоначально здесь была устроена культовая площадка и скорее всего алтарь, куда приносились жертвоприношения и посвященные дары в виде сосудов (родосско-ионийские расписные кратеры, ойнохои, тарелки и т. д.).

В третьей четверти VI в. Аполлону Врачу был выстроен небольшой храм, который по архитектурному декору не уступал милетским храмам этого времени и скорее всего являлся приблизительной копией одного из них, судя по абсолютному сходству архитектурной терракоты¹²⁶. В это время, возможно ближе к концу третьей четверти, с переселением в Нижнее Побужье, и в частности в Ольвию, большого количества населения в городе произошел новый передел земли¹²⁷, часть которой была отведена под центральный теменос с доминирующим культом Аполлона Дельфиния. Причем для него была избрана более удачная часть города, с которой открывался прекрасный вид на лиман и Нижний город.

¹²⁴ По свидетельству Геродота (I, 164—168), в это время население целых городов, в частности Фокеи и Теоса, эмигрировало в другие населенные пункты и основало новые колонии.

¹²⁵ *Arist.*, Pol. V, 2, 10—11; приведено много случаев, в том числе и для Аполлонии Понтийской, о смутах, распрях, политических заговорах и даже вооруженных столкновениях в результате принятия полисом эпойков или синойков. См. также: *Asheri D. Distribuzioni di terre nell'antica Grecia*. Torino, 1966; *Фролов Э. Д.* Гаморы и киллирии (К оценке социальной структуры и социальной борьбы в архаических Сиракузах). — ВДИ, 1982, № 1, с. 29—41; *Виноградов*. Полисы..., с. 392.

¹²⁶ Ср. деревянно-сырцовый храм Афины на Калабак-тепе (*Gerkan*. Op. cit., S. 8—22).

¹²⁷ Полуземляночные хозяйственно-жилые комплексы этого времени открыты вблизи от раннего святилища Аполлона Врача, и только в конце последней четверти VI в. границы второго теменоса начали значительно расширяться с устройством здесь святилищ Матери богов, Гермеса и Афродиты. Причем особенно вдоль Главной продольной улицы, заложеной уже, очевидно, в это время, наблюдалась довольно плотная застройка с применением регулярной плашивки (*Крижицкий, Русяева*. Ук. соч., с. 3—12).

Действительно, именно в Ольвии, более чем в какой-либо другой из причерноморских колоний, большое значение имел культ Аполлона Дельфиния. Значительное количество посвящений этому богу, тот факт, что дельфин входит составной частью в *παράσημον* Ольвии, а ранняя монета полиса обретает форму дельфина (*δελφίς φρόνιμος*, согласно рассматриваемой надписи), свидетельствуют о том, что Аполлон Дельфиний с начала образования Ольвийского полиса¹²⁸ и на протяжении длительного периода занимал доминирующее положение в его многоликом пантеоне¹²⁹.

Однако, судя по сохранившимся архитектурным остаткам на центральном теменосе, во второй половине VI в. святилище Аполлона Дельфиния было значительно беднее основанного раньше святилища Аполлона Врача. Пока не найдено ни одной архитектурной детали, которая указывала бы на сооружение здесь в это время храма. В то же время на втором теменосе в конце VI — начале V в. (до падения Милета в 494 г.) был выстроен монументальный каменный храм, для которого, вероятно, в Милете были специально изготовлены отдельные архитектурные детали из пороса. Храм же Аполлона Дельфиния ввиду отсутствия в его антаблементе милетских украшений скорее всего был выстроен уже после падения Милета¹³⁰; примечательно, что терракотовая капитель для него, по которой А. Н. Карасевым была сделана реконструкция храма, была изготовлена ольвийскими мастерами.

Как же согласуется это строительство с общим экономическим, социально-политическим и культурным положением ранней Ольвии? Прежде всего следует отметить большую дифференциацию погребальных комплексов ольвийского некрополя второй половины VI в.¹³¹, наличие монументальной мраморной скульптуры¹³², богатого комплекса архаической расписной архитектурной терракоты и отдельных ордерных деталей¹³³ со сравнительно бедным внешним обликом поселения, где жилища в основном состояли из полуземлянок¹³⁴. Естественно, это резко бросающееся в глаза несоответствие, особенно при том, что Ольвия в это время интенсивно торговала со многими центрами Средиземноморья и окружающим племенным миром, требует отдельного исследования. Здесь же только отметим, что в настоящее время нет достаточно четко выраженных археоло-

¹²⁸ Имеется в виду образование главного центра Нижнего Побужья.

¹²⁹ Русяева. Земледельческие культы..., с. 15—17; *Виноградов, Русяева*. Ук. соч., с. 27. В последней работе дана сравнительно подробная характеристика культа Аполлона Дельфиния в Ольвии.

¹³⁰ А. Н. Карасев (ук. соч., с. 51—69) и И. Р. Пичикин (Малая Азия — Северное Причерноморье. Античные традиции и влияния. М., 1984, с. 178) датируют этот храм началом V в. до н. э.

¹³¹ *Скуднова В. М.* Некрополь Ольвии архаического времени. Л.: Аврора, 1986 (в печати). В целом архаические погребальные комплексы (инвентарь) значительно богаче более поздних. Здесь нередки погребения с золотыми и серебряными украшениями, количественно большим набором самых разнообразных вещей, в том числе чернофигурных сосудов высокого качества, комплексов терракот, бронзовых изделий и т. д.

¹³² Например, мраморные и известняковые статуи курсов и монументальные статуи львов. См. *Фармаковский Б. В.* Архаический курос из Ольвии. — СГАИМК, 1924, I, с. 164—170; *Чубова А. П., Лесницкая М. М.* Ольвийский курос. — В кн.: *Художественная культура и археология античного мира*. М., 1976, с. 210—218; *Richter G. M.* Kouros. Archaic Greek Youths. L.—N. Y., 1970, p. 90—92; *Русяева А. С.* Скульптура. — В кн.: *Культура населения Ольвийского полиса в архаический период*. Киев: Наукова думка, 1987 (в печати). Из всех причерноморских полисов только в Ольвии найдено столь значительное количество как милетской, так и местной архаической скульптуры.

¹³³ На втором теменосе найдены известняковые базы колонн и фрагменты капителей, возможно, еще третьей четверти VI в. При раскопках Б. В. Фармаковского на южном плато Ольвии также найден ряд мраморных и терракотовых архитектурных деталей второй половины VI в. (*Скуднова В. М.* Из неизданных материалов Ольвии VI—V вв. до н. э. — СА, 1959, XXIX—XXX).

¹³⁴ *Кржицкий, Русяева*. Ук. соч., с. 3 сл.; *Кржицкий С. Д.* Жилые дома античных городов Северного Причерноморья. Киев. 1982, с. 11 сл.

гических источников, по которым можно было бы в полной мере представить культурный облик города и его социально-политическую структуру¹³⁵.

Начиная с середины VI в. в Ольвию стали регулярно поступать архитектурные детали для ее храмов, алтарей и общественных сооружений, скульптура, золотые и серебряные украшения, бронзовые изделия, расписная посуда, среди которой немало сосудов, изготовленных известными аттическими вазописцами и гончарами. Часть этих изделий через посредство ольвиополитов шла в Лесостепь и в значительно более отдаленные области ойкумены (например, зеркала — в Приуралье и Карпато-Дунайский регион). Следует думать, что в Ольвии в это время уже проживала определенная группа граждан, которые сумели обогатиться не только за счет сельского хозяйства, но и торговли. Этот экономический прогресс содействовал росту города. Он, очевидно, нашел выражение и в расширении сельскохозяйственной территории и соответственно увеличении как товарного хлеба, так и продуктов скотоводства. Эта группа граждан могла состоять в Ольвии из первопоселенцев, образовавших уже ко времени переселения сюда большой массы эпойков привилегированный слой полисной аристократии. Очевидно, именно они обладали уже достаточно большими средствами для приобретения в метрополии и других городах Средиземноморья архитектурных деталей и скульптуры для украшения города¹³⁶. Ю. Г. Виноградовым на основании эпиграфических памятников представлена яркая картина «далеко запедшего процесса имущественной и социальной дифференциации» в Ольвии архаического времени¹³⁷.

Повсеместное открытие в Ольвии полуземляночных жилищ во второй половине VI в. дает основание предположить, что они в основном принадлежали самой мощной волне переселенцев, которая соответствовала символической цифре 7000 на березанской пластинке и в которой было значительное количество бедняков, нарушивших на какое-то время экономический и социально-политический баланс полиса. Однако вряд ли такого рода жилища были присущи в это время и первопоселенцам, особенно тем гражданам Ольвии, которым удалось захватить не только лучшие наделы земли, но и политическую власть. Сведения, имеющиеся в вышеупомянутом «письме жреца», присланном из района Нижнего Поднепровья в Ольвию (в частности, о принадлежности ей богатого лесистого района — Гилей, судя по устройству там алтарей и попечительству над ними, а также вывозу большого количества деревьев — *πτόων κακά τῶν δένδρων διτρώσαι[α]* — «плохих сосен, двести деревьев», ловле диких лошадей, кораблекрушении, после которого сбежали рабы), еще раз подтверждают интенсивное полисное развитие Ольвии. Деревья Гилей шли не только на топливо, но и для экспорта. При сложившейся ситуации они широко использовались для строительства жилых и общественных сооружений. Верхние части ольвийских полуземлянок скорее всего также были деревянными.

Появление новой гражданской общины способствовало и смене денежного знака: где-то в пределах третьей четверти VI в. началось литье дельфинчиков как символа и атрибута Аполлона Дельфиния. Эта смена зафиксирована, как представляется, и в условно-схематическом изображении двух дельфинов, расположенных поверх горита со стрелой или луком. Приток новых колонистов способствовал расширению хоры и развитию ремесла, однако определенная политическая дестабилизация в Ольвийском полисе продолжалась и в конце VI — начале V в. В это

¹³⁵ До настоящего времени остаются неизученными самые нижние горизонты на южной оконечности верхнего плато и в Нижнем городе Ольвии, где скорее всего следует искать следы первичного заселения.

¹³⁶ Архаическая архитектурная терракота найдена в основном в трех районах Ольвии (в южном — возле предполагаемого Б. В. Фармаковским храма Аполлона Простата, Нижнем городе и на втором теменосе). Например, некий Археанакт уже около середины VI в. ставит в городе посвятельную статую (*Виноградов. О методике...*, с. 66—69).

¹³⁷ *Виноградов. Полис...*, с. 392 сл.

время в Ольвии сосуществовали два культовых участка и два бога, претендовавших на первое место в полисном пантеоне. Сооружение монументального храма Аполлону Врачу в то время, когда уже существовал здесь культ Аполлона Дельфиния, не имевшего пока храма, бытование в Ольвии монет-стрелок одновременно с дельфинчиками еще в последней четверти VI в.¹³⁸ указывают на то, что замена одного культа другим происходила постепенно.

Некоторое сближение обоих культов начинается только в первой четверти V в., однако свидетельства о нем найдены не в Ольвии¹³⁹. Ольвийские монеты V в. показывают, что культ Аполлона Врача продолжал играть определенную роль в полисе. Изображение колеса как солярного символа этого бога¹⁴⁰ в северо-западнопонтийском регионе подтверждается монетами Истрии, где Аполлон Врач был главным патроном, а также граффити из второго теменоса Ольвии. Ольвийские монеты в данном аспекте также представляют определенный интерес. Изображение колеса впервые появляется на ранних литых ассах с изображением Афины первой четверти V в., затем на ассах с Горгоной и, наконец, на серебряных статерах с именем Эминака¹⁴¹. Причем на первых двух изображено только колесо, на последних — колесо и четыре дельфина по сторонам¹⁴². Этот феномен аполлоновской символики, требующий отдельного исследования, характерен для ольвийских монет только первой половины — начала третьей четверти V в., т. е. по существу охватывает то время, когда в городе стоял монументальный храм Аполлона Врача.

Возможно, что символика Аполлона Врача и Аполлона Дельфиния, представленная на монетах Ольвии, отражает также политическую обстановку в городе и государстве и явится одним из источников для решения этой сложной проблемы. В виде гипотезы пока можно констатировать, что, как и во второй половине VI в., в данной символике отража-

¹³⁸ В северной части второго теменоса в 1982 г. открыта яма последней четверти VI в., наполненная остатками бронзолитейного производства, среди которых обнаружены монеты-стрелки, дельфинчики и наконечники стрел с литниками. Монеты-стрелки также встречались в полуземлянках и ямах этого времени.

¹³⁹ Имеется в виду граффито с именем Дельфиния и Врача из скифского кургана близ Журовки на Киевщине (*Толстой И. И.* Врач и Дельфиний. — ИАК, 1905, вып. 14, с. 86—99; *Виноградов, Русяева.* Ук. соч., с. 31).

¹⁴⁰ Солярная сущность Аполлона общеизвестна, что же касается Врача, то она подтверждается и рассказом Павсания (VII, 23; 7—8) о связи Аполлона и Асклепия, восходящим к финикийскому преданию. Особенно четко солярная сущность Аполлона находит отражение в семантике боспорских монет V в. с изображением головы льва и надписью АПОΛ, в которой Ю. Г. Виноградов небезосновательно видит имя бога Аполлона Врача (изложение его гипотезы см. *Толстиков.* Ук. соч., с. 47, прим. 95): «Монеты с АПОΛ предлагаются трактовать как эмиссию конфедерации боспорских полисов — одновременно военной симмахии и религиозной амфиктионии, а в самой легенде видеть имя бога Аполлона Врача с присущими ему широкими сотерическими функциями. Монета чеканилась от имени храма этого бога, строительство которого на акрополе Пантикапея приходится как раз на вторую четверть V в. Это подчеркнуто и монетной эмблемой — львиный скаल्प, т. е. votivное приношение в святилище». Однако заслуживает внимания и концепция В. А. Анохина, разработанная им подробно в монографии «Монетное дело Боспора» (Киев: Наукова думка, 1986 — в печати) и высказанная устно, суть которой заключается в том, что эти монеты чеканились храмом Аполлона Врача.

¹⁴¹ Хронология монет этих типов пока твердо не установлена (см. *Виноградов Ю. Г.* Синопа и Ольвия в V в. до н. э. Проблема политического устройства. — ВДИ, 1981, № 3, с. 53). Статеры Эминака датируются близко к середине V в. (*Карышковский П. О.* Новые материалы о монетах Эминака. — В кн.: Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1984, с. 84 сл.).

¹⁴² П. О. Карышковский рассматривает семантику колеса с дельфинами «как прототип известных изображений орла и дельфина на позднейших ольвийских монетах», т. е. в сакральной связи Зевса с Аполлоном Дельфинием (Новые материалы..., с. 82). Однако, как было показано выше, в данном случае скорее всего выражена символика Аполлона Врача, которая подтверждается как изображением колеса на калиптере со второго теменоса и названием храма Ἰητροῖον, так и истрийскими монетами. В отличие от Аполлона Дельфиния Аполлон Врач был наделен общеаполлоновскими символами — стрелой, колесом, лавром, лирой и львом.

ется непостоянство роли главного полисного культа Аполлона Дельфиния. В первой половине V в. в Ольвии еще стоял монументальный храм Аполлона Врача, и вполне вероятно, что жрецы этого храма стремились к упрочению как культа, так и своего влияния в государстве. Символ этого храма — колесо — изображался на ольвийских монетах, так же как и львиная маска (скальп) на боспорских. Аристократический характер этого культа ярко проступает как в Истрии, так и Пантикапее. Скорее всего таким же он был и в Ольвии.

Официальное сближение двух культов произошло только около середины V в., когда на городской эмблеме появляется одновременное изображение двух символов (статеры Эминака), после чего символ Аполлона Врача в Ольвии в виде колеса окончательно исчезает из ольвийской чеканки. Представляет большой интерес и то обстоятельство, что примерно в то же время разбирается и его храм, а все архитектурные украшения этого храма и посвященные дары сбрасываются в ботросы, хотя культ Аполлона Врача продолжал здесь почитаться (алтарь, жертвенники) — в менее значительной степени по сравнению с предыдущим временем — до конца IV в. (посвятельное граффито на чернолаковом канфаре этого времени). В пределах второй четверти V в. литые ассы с Горгоной и колесом (легенда АРІХ) сменяются изображением орла над дельфином, впоследствии на долгое время ставшим городской эмблемой, сочетающей сакральную символику двух культов — Аполлона Дельфиния и Зевса¹⁴³. К этому времени относится уже упоминавшееся посвящение ольвишолита Ксанта Аполлону Врачу — владыке Истра. Приверженец культа Аполлона Врача сделал дорогое подношение своему богу, ставшему покровителем соседней Истрии, но по каким-то причинам не смог его туда отвезти. Памятник был установлен в ольвийском святилище этого бога. Несомненно, что сам Ксонт принадлежал к довольно богатой верхушке ольвийской гражданской общины, как и позже Леократ, посвятивший бронзовую статую работы афинского скульптора Стратонида этому богу уже в IV в., когда его культ был мало заметен на фоне культов других божеств.

Около середины V в. до н. э. в святилище Аполлона Врача некий Андокид преподносит скифос, на котором ставит надпись с перечислением всех месяцев ольвийского календаря с посвящением одновременно Аполлону Дельфинию, Врачу, Таргелию и Ликею¹⁴⁴. Невзирая на то, что подношение сделано в святилище Аполлона Врача, его эпikleза, как и в посвящении из Журовки, стоит на втором месте, что, естественно, и определяет его значение сравнительно с упрочившимся здесь надолго Дельфинием¹⁴⁵.

Таким образом, смена одного культа другим, заключенная в символическом выражении из основной надписи на березанской пластинке,

¹⁴³ Карышковский П. О. Об изображении орла и дельфина на монетах Синопы, Истрии и Ольвии. — В кн.: Нумизматика античного Причерноморья. Киев, 1982, с. 80—98. При этом возникает новый вопрос: постоянно и всегда ли Аполлон Дельфиний играл первенствующую роль в пантеоне догетской Ольвии? Комплексное исследование эпиграфических, нумизматических и археологических источников показывает определенные изменения в его культе и выдвигание на первый план Зевса Элевтерия.

¹⁴⁴ Виноградов, Русяева. Ук. соч., с. 19—64.

¹⁴⁵ В данном случае нельзя не вспомнить также оригинальные литые монеты из Ольвии (найлены в одном из ботросов второго теменоса) и Керкинитиды (о последних любезно сообщил В. А. Анохин). Они представляют собой, с одной стороны, изображение монеты-стрелки, а с другой — рыбы (сходство с дельфином четко не прослеживается), в которых можно видеть уникальное слияние символов. В то же время эта символика на самых ранних монетах Керкинитиды является неоспоримым доказательством того, что она было основана ионийцами, а не гераклеотами по крайней мере во второй половине VI в. до н. э. и находилась под сильным политическим и экономическим влиянием Ольвийского полиса до основания Херсонеса. Интересно, что в Ольвии эти монеты зафиксированы только на втором теменосе (обнаружены и определены В. А. Анохиным), где они могли быть подношениями божеству. Таким образом, еще и в первой половине V в. была известна стрелковая функция Аполлона Врача.

находит проявление и в археологических материалах из Нижнего Побужья, которых (особенно эпиграфических) все еще не так много, чтобы можно было более или менее ясно представить себе эту картину. Ее сложность усугубляется взаимосвязанностью культов с социально-политическим развитием полиса с его постоянными распрями и борьбой за власть.

На то, что данная надпись является прорицанием или содержит основные сведения из него, указывают ее заключительные слова: $\mu\alpha\chi\alpha\rho\acute{\iota}\zeta\omega$ $\epsilon\kappa\epsilon\iota$, $\mu\acute{\epsilon}\mu\eta\eta\mu\alpha\iota$ $\Lambda\eta[\tau]\rho\omicron[\epsilon]$? — своего рода благословение. Интересно, что в конце надписи стоит, вероятно, имя Лето — в данном случае как благославляющей на прорицание Аполлона¹⁴⁶. О характере архаических дидимейских предсказаний сохранилось довольно мало свидетельств, и неизвестно, действительно ли Лето могла изрекать там оракулы, пусть даже символически. Для более позднего времени здесь известна Артемида Пифия. Значение и почитание Лето в Дидимейоне в архаическое время зафиксировано крайне незначительным количеством источников. Ее культ мало известен и в припонтийских милетских колониях¹⁴⁷. Почитание мифологической семьи (Зевс, Лето, Аполлон, Артемида) в Дидимейоне, Милете в эллинистическое и римское время (т. е. после возрождения святилища с оракулом) свидетельствует как раз о том, что эта тетрада божеств почиталась здесь и в более ранний период¹⁴⁸, что подтверждается ее почитанием и в Истрии.

Исходя из текста Б, в котором заключено посвящение Аполлону Дидимейскому и Милетскому, пластинка с надписью имела посвятельный характер. Возможно, она вообще предназначалась как особый вотивный дар с записью оракула и констатацией определенных жертвоприношений за него (70 быков) для подношения в Дидимейон, однако по какой-то причине не была туда доставлена. Не исключено, что частное лицо из Борисфена записало для себя предсказание по памяти после чтения или устной передачи. Во всяком случае довольно трудно объяснить, почему на пластинке имеются и другие слова, прочерченные между строками основной надписи, к тому же в обратном расположении.

Посвятельные надписи с одновременным упоминанием эпиклез Μιλῆτιος и Διδυμαῖος VI в. до н. э. по существу неизвестны¹⁴⁹, а отдельные крайне редки¹⁵⁰. Поэтому березанская надпись особенно важна и тем, что еще раз подтверждает вхождение Дидим в Милетский полис

¹⁴⁶ Данная надпись позволяет считать, что дельфийский оракул не играл никакой роли для определения названия Ольвии, как считалось ранее (см. *Скржинская*. Ук. соч., с. 144—146). Эпитеты $\delta\lambda\beta\upsilon\omicron\varsigma$, $\delta\lambda\beta\omicron\varsigma$ имели широкое употребление в изречениях аполлоновских оракулов, очевидно, в связи с большим значением этого слова как в жизни отдельного человека, так и государства, что убедительно показано (на примере дельфийского) А. И. Доватуром (Повествовательный и научный стиль Геродота. Л., 1957, с. 102). Вслед за ним М. В. Скржинская также отметила большое значение этого прилагательного в дельфийских оракулах. Ей принадлежит удачное решение связи эпитета $\delta\lambda\beta\upsilon\omicron\varsigma$, как данного оракулом (по ее гипотезе, дельфийского), с названием города Ольвия.

¹⁴⁷ За исключением Истрии, где точно засвидетельствован этот культ (*Pippidi*. Op. cit., № 170, *Виноградов Ю. Г.*, *Карышковский П. О.* — ВДИ, 1984, № 3, с. 180 сл.). В Фанагории и Горгипши имеются теофорные имена первых веков нашей эры — $\Lambda\eta\tau\delta\omega\rho\omicron\varsigma$ (КБН, 976, 1179), что является косвенным указанием на культ Лето. В Ольвии найдено лишь одно граффито, которое предположительно можно связывать с культом Аполлона, Артемиды и Латоны (*Русяева*. Земледельческие культы..., с. 19). На расматриваемой березанской пластинке имеется несколько *альф* — среди них может быть и *лямбда*, — которые тогда составят начальные буквы имен этого семейства божеств.

¹⁴⁸ *Ehrhardt*. Op. cit., S. 158 f. Автор полагает, что эта культовая семья имела здесь древние корни и почиталась с архаического времени. Мифологическая связь Зевс — Лето может быть древнее, чем Зевс — Гера.

¹⁴⁹ Это наиболее раннее в ольвийско-березанской эпиграфике упоминание Милета, остальные относятся только к римскому времени (IOSPE, I², 40, 41).

¹⁵⁰ Так, среди множества собранных М. Л. Ладзарини (op. cit.) архаических вотивов имеются только пять посвящений VI в. Аполлону Милетскому (№ 181—183, 556 g, h).

и в третьей четверти VI в., взаимосвязанность культов Аполлона, политическое значение культа Аполлона Дидимейского в Милете и, наоборот, воздействие Милета на Дидимы в это время.

Интерпретация текстов, размещенных между строками основной надписи, также представляет трудности из-за своей завуалированности и оторванности друг от друга. Текст В расположен непосредственно сверху над словами Ὀλβίη πόλι, μαχαρίζω и скорее всего связан с ним логически. Представляется возможным восстанавливать его как μητρό(ς) ὀλβοφόρος — «приносящий счастье от матери», где лишняя лямбда является, очевидно, диттографией под влиянием следующего слова, начинающегося на ОЛ. В данном плане, по всей вероятности, подразумевается мать Аполлона, имя которой имеется в заключительной фразе текста А. При этом следует сказать, что на втором теменосе найдено за несколько лет раскопок более 20 граффити на обломках сосудов и вотивах с именем Μηρός (интересно, что все они однотипны и даны только в родительном падеже), как бы указывающим на принадлежность их святилищу Матери. Здесь же обнаружены две вотивные стелы второй половины VI в. с изображением сидящей в иератической позе богини без атрибутов, которое вряд ли может быть изображением Матери богов (Кибелы), наделенной, как известно, уже в архаический период своими атрибутами. В этой связи интересно и свидетельство Геродота (IV, 53), как оно дано в некоторых его рукописях, о святилище на Гипполаевом мысу — ἱερόν Μηρός. Однако все эти данные в своей совокупности требуют отдельного рассмотрения.

Не исключено, что данный текст можно восстанавливать и как μητρό[πολι] ὀλβοφόρος — «приносящий счастье (богатство) материнскому городу» (или от материнского города, если поставить в том же падеже, что и в первом восстановлении). Действительно, Ольвия на протяжении очень длительного периода поддерживала самые тесные отношения со своей метрополией Милетом и его главным святилищем Дельфинионом, что особенно подчеркивается общностью их полисных культов. Ὀλβοφόρος, как и эпитет Аполлона Ὀλβιοδότης, вполне может быть и эпikleзой Аполлона в его роли организатора и покровителя новых полисов.

Особый интерес представляет также и текст Г: νικηφόρος βορέω — «Победитель севера (северного ветра)», расположенный, возможно, не случайно под словами τοσοφόρος φίλι(ο)ς и указывающий на семантическую связь обоих выражений. Это же выражение, как мы уже говорили, прочерчено еще раз на оборотной стороне пластинки, что свидетельствует о его большом смысловом значении для писавшего. Мифологическая связь Аполлона с севером нашла отражение в многочисленных рассказах древних авторов о гипербореях, которых помещали чаще всего в северных или северо-восточных частях ойкумены, а также в Подунавье¹⁵¹ (Pind., Pyth. 10, 28; Strabo, XI, 6, 2; Plin., NH. 6, 13; Mela, 1, 2, 12 sq.). Весенние празднества Аполлона были связаны с его возвращением из мифической страны гипербореев. Они широко отмечались в различных местностях Эллады и особенно в Милете. Символом и атрибутом Аполлона в его связи с севером и гипербореями были стрела и грифон¹⁵².

¹⁵¹ Возможно, что взаимосвязь Аполлона с севером прослеживается и в названии фиды Βορείς, известной в некоторых милетских колониях (см. Ehrhardt. Op. cit., S. 98, 100 f.). Интересно в данном аспекте и то, что в древнейшей надписи с Феры (конец VIII в. до н. э.) из святилища Аполлона Карнейского имеется посвящение Βορρατός (Lazzarini. Op. cit., № 455).

¹⁵² RE, II, Sp. 109. Грифон изображался львино- или орлиноголовым, что в свою очередь свидетельствует о сложности аполлоновской семантики. Согласно Геродоту (III, 116; IV, 13, 27), грифоны живут на севере рядом с гипербореями, они хранители золота. Порфирий (III, 18, 16) прямо указывал, что грифон с колесницей был одним из атрибутов Аполлона. В Ольвии найдены скульптурные изображения грифонов, а также на изделиях торевтики. Однако наиболее яркое выражение мифологическая и, очевидно, культовая связь Аполлона с грифоном нашла в Пантикапее; это дало повод

В «Аргонавтике» Аполлония Родосского этот бог, спеша «от ликийских пределов на гиперборейскую землю», левой рукой крепко держал серебряный лук (Argon. II, 673 sq.). В данном образе Аполлона ясно проступает его связь с Ликией, название которой у некоторых авторов считается основой одноименного культового эпитета бога¹⁵³, а также с гипербореями и стрелой.

Особенно интересен в данном аспекте рассказ о гиперборее Абарисе, который со священной стрелой Аполлона обошел всю землю, исцеляя от болезней и предсказывая эпидемии (Herod., IV, 36; Pind., fr. 271; Orat. Attic., fr. 86; Porphyr., De Vit. Pyth. 29; Jamb., De Vit. Pyth. 91—94). Из этого рассказа прозрачно выступает ипостась Аполлона-стрелка (стрела здесь является и солярным символом), непосредственно наделенного врачевными функциями в его мифологической связи с Аполлоном Гиперборейским. Абарис — то жрец Аполлона (Porphyr., De Vit. Pyth. 28), то его пророк («держа в руке стрелу в качестве символа Аполлона, обошел со своими прорицаниями всю Элладу» — Orat. Attic., fr. 86); при помощи этого аполлоновского символа он не только исцеляет, но и устанавливает мир и порядок среди людей. Любопытно, что появление этой своеобразной ипостаси Аполлона также относится к VI в., т. е. к периоду наиболее интенсивной милетской колонизации Северного и Западного Причерноморья (согласно источникам — ко времени Креза и Кира). Аполлон как главный покровитель колонизации наделяется стрелой, несущей мир. Действительно, освоение эллинами земель в Северном Причерноморье проходило в основном мирным путем. Возможно, именно благодаря этому факту была создана легенда о стреле как мирном символе Аполлона (тем более что этот бог как лучник нередко выступает и убийцей) и несущем его северном пророке Абарисе.

В то же время интересно, что самые ранние изображения грифонов (бронзовые протомы середины VII в. до н. э.) в качестве вотивов найдены в Дидимейоне¹⁵⁴. Стены храма Аполлона в Дидимах были украшены многочисленными рельефами с изображением львиноголовых (иногда держащих атрибут Аполлона — лиру) и орлиноголовых грифов¹⁵⁵. Все это позволяет надежно считать, что символика грифона в его связи с культом Аполлона появилась в Северном Причерноморье под влиянием Милета и Дидима и в своей основе восходит к малоазийскому культу этого бога.

Таким образом, исходя из всего вышесказанного, можно считать, что между двумя выражениями: *τοξοφόρος φίλιος* и *νικηφόρος βορέω* существует глубокая культовая связь, помогающая раскрыть сущность Аполлона Врача более широко¹⁵⁶. Отсюда ясно глубокое синкретическое соединение в его культе самых разнообразных функций: дружелюбного стрелка, победителя северного ветра и различных трудностей, связанных с освоением эллинами северных районов Причерноморья, спасителя и защитника от самых различных болезней и бедствий, покровителя и основателя новых полисов, распространителя знаний, музыкального искусства, вобравшего в себя многие аполлоновские свойства, в том числе особенно свойства Аполлона Дидимейского и Гиперборейского, что послужило избранию этого

считать, что здесь существовал культ Аполлона Гиперборейского (Онайко Н. А. Аполлон Гиперборейский. — В кн.: История и культура античного мира. М., 1977, с. 153—160).

¹⁵³ Нам представляется, что скорее всего правы те исследователи, которые считают, что название малоазийской страны Ликия и культовое имя Ликей были взаимосвязаны, последнее — производное от *λύκος* (волк) — восходит к глубокой древности (Лосев. Ук. соч., с. 283).

¹⁵⁴ Heres G. Greifenprotomen aus Milet. — Klio, 1970, Bd. 52, S. 149—161.

¹⁵⁵ Wiegand. Op. cit., S. 70, Abb. 114, 116, 119, 121—125.

¹⁵⁶ Культовое имя *Νικηφόρος* применительно к Аполлону неизвестно или мало известно. Он вполне мог владеть такой эпитетом, как и Зевс (Schwabl H. Zeus. München, 1978, Sp. 339).

бога верховным покровителем наиболее ранних полисов в Западном и Северном Причерноморье ¹⁵⁷.

Надпись на березанской пластинке дает некоторое представление о формировании культа Аполлона Врача и о развитии Аполлонова культа в Милете и Дидимах. Очевидно, в самом начале понтийской колонизации культ Аполлона в Дидимах не обладал столь обширными функциями, какие он приобрел в ее конце. С расширением колонизационных прерогатив Аполлона в Дидимах тоже становятся шире. В колонизационный период, когда происходил экономический и социально-культурный подъем, расширялись представления эллинов об окружающем мире, особенно о северных краях, появились мифологические рассказы о гиперборейцах, этот бог приобретает ряд черт соответственно новым веяниям времени, в результате чего его функции становятся шире и разнообразнее; в итоге они оказываются синкретически соединенными в культе Аполлона Врача, отвратителя зла, бога очищения и покорителя Севера. О том, что этот бог близок дидимейскому, свидетельствует истрийский рельеф с изображением Аполлона Врача (согласно содержанию надписи) в окружении Зевса, Лето, Артемиды, т. е. той мифологической семьи, которая особенно почиталась в Дидимах ¹⁵⁸. На его взаимосвязанность с Аполлоном Гиперборейским помимо всего сказанного указывают изображения: львиноголовых грифонов с человеческими руками, натягивающими лук для пуска стрелы на золотых ножнах из Литого кургана начала VI в.; орлиноголового грифона на келермесском зеркале того же времени, борющегося с двумя аримасами (оба изготовлены скорее всего в Милете под воздействием религиозно-мифологических рассказов о путешествиях Аполлона на север); фигуры самого Аполлона, сидящего на грифоне, в окружении все той же дидимской мифологической семьи ¹⁵⁹. Солярная сущность этого бога нашла отражение в различных солярных знаках, находимых в милетских колониях Причерноморья, а также на храмовых рельефах Милета и Дидим. Очевидно, в этом культе была закодирована вся информация ионийцев о северных краях ойкумены в архаическое время, и поэтому именно Аполлон Дидимейский в ипостаси Врача был назначен главным покровителем при основании колоний в Причерноморье.

Следует обратить внимание и на текст E, который соответственно другим текстам надписи можно реконструировать как ἐβδ(ο)μ(ήκοντα) βόβ(ς)? Διδ(υμαίω). В данном тексте приведена та же цифра 70, что и в отношении символики гражданской общины, хотя в этом случае она вряд ли символична, поскольку не связана с изречением. Жертвоприношения быков Аполлону общеизвестны ¹⁶⁰. Еще А. Рем и Б. Г. Граков обратили внимание на то, что Ольвия в отличие от некоторых других милетских колоний не поклонялась Аполлону Дидимейскому ¹⁶¹. Сейчас становится

¹⁵⁷ Основные атрибуты Аполлона Врача в Причерноморье в классическое время — лавр, лира (возможно, маслина). Последняя появилась в Подунавье благодаря Аполлону Гиперборейскому, где, по некоторым мифологическим версиям, размещали гиперборейцев (*Pind.*, *Ol.* III, 16—60). В то же время лира и лавр связывались также с этим культом, о чем можно судить по изображениям грифонов с этими атрибутами.

¹⁵⁸ *Lambrino. La famille...*, p. 352—362; *Pippidi. Op. cit.*; p. 281—283. Врачебно-целительные функции Аполлона Дидимейского особенно подчеркиваются надписью из Дидимейона: Ἀπόλλωνι Διδυμαίῃ καὶ Ἀσκληπιῷ καὶ Ὑγείᾳ (SIG, 2864).

¹⁵⁹ *Поаребова Н. Н.* Грифон в искусстве Северного Причерноморья в эпоху архаики. — КСИА АН СССР, 1948, вып. 22, с. 62—67; *Beazley J. D. Attic Red-Figure Vase Painters. V. 2. Oxf.*, 1963, p. 1456, 8; 1512, 14; 1523, 1.

¹⁶⁰ Так, Геродот (IV, 50) упоминает гекатомбу царя острова Феры в Дельфах. Связь Аполлона с быком имеет глубокие мифологические корни (*Paus.*, VII, 20, 3—5, IX, 12, 1). В ботросах второго теменоса Ольвии найдено большое количество костей быков, в том числе и рогов. Не исключено в связи с этим, что березанская пластинка вырезана именно из кости быка.

¹⁶¹ *Milet I, 3, № 136; Граков. Материалы...*, с. 265, 267. Косвенным доказательством культурной связи между Аполлоном Дидимейским и Аполлоном Врачом является находка в его ольвийском святилище свинцовой вотивной гирьки в виде астрагала вто-

ясным, что в VI в. Борисфен и Ольвия принимали участие в жертвоприношениях этому богу. Однако в дальнейшем, со сменой культа Аполлона Врача, — что, кстати, произошло только в Ольвии, — последняя поддерживала отношения с другим значительным центром Милета — Дельфинионом. Очевидно, эти изменения связаны с усилением роли религиозного союза в Ольвии, которые принадлежали скорее всего в основном к аристократическим родам, ведущим свое происхождение из Милета, и, естественно, могли играть важную роль в политической жизни полиса¹⁶².

Усиление роли мольпов в Ольвии относится к V в. до н. э., что совпадает и с расширением значения Аполлона Дельфиния в религиозной жизни этого полиса. Возможно, что в связи с разгромом Милета какая-то часть милетских мольпов переселилась в Ольвию (кстати, этот союз из северо-западнопонтийских колоний известен только здесь, что еще раз подчеркивает его особую связь с Дельфинионом). В Ольвии — единственной из милетских колоний, в которой большим влиянием пользовались мольпы, — в их среде особенно устойчивой могла быть традиция о предательстве дидимских Бранхидов — вероятных соперников жрецов Дельфиниона за политическое влияние во второй половине VI в. в Милетском полисе. Эта традиция едва ли способствовала и в дальнейшем после восстановления дидимского святилища и его оракула авторитету Бранхидов в Ольвии. Эта гипотеза была бы более вероятной, если признать правильной догадку о том, что культ Аполлона Дельфиния для этого полиса был учрежден под давлением жрецов Дельфиниона. Во всяком случае, уже после падения Милета Ольвия обратилась за советом к дельфийскому оракулу при учреждении празднеств в честь Ахилла на Тендровской косе, о чем упоминается по прошествии нескольких веков в декрете в честь Никерата II в. до н. э. (IOSPE, I², 34). На протяжении длительного периода истории Ольвии какие-либо связи ее с Дидимейоном больше не прослеживаются.

Таким образом, рассмотренная надпись на березанской костяной пластинке засвидетельствовала последовательность и длительность колониционного процесса в Нижнем Побужье. Имеющиеся в ней данные позволяют выделить четыре этапа с характерным для каждого культом: 1) выбор места для переселения, возможно, первоначальное основание Борисфена, где гегемоном выступал Аполлон Дидимейский в ипостаси Ликей (середина — третья четверть VII в. до н. э.); 2) окончательное основание Борисфена под эгидой того же божества, но с его расширившимися функциями (символика льва), закрепление колонистов в Нижнем Побужье и их проникновение в Лесостепь (последняя треть VII в.); 3) расширение греческой колонизации в Нижнем Побужье (усиление Борисфена, возникновение Ольвии и других поселений, первоначальное освоение и эксплуатация — с целью способствовать экономическому росту зарождающегося Борисфено-Ольвийского полиса — территории Нижнего Поднепровья, в частности Гилей, расширение торговой экспансии в Лесостепи, начало выпуска монет-стрелок) под предводительством Аполлона Врача, специально учрежденного дидимейским оракулом в начале VI в. для милетско-понтийских апойкий с обширными функциями, среди которых особо выделены *τοξοφόρος, φίλιος* и *νικηφόρος βορέω* (первая четверть VI в.); 4) широкое освоение ионийцами обширной области в Днепро-Березанском бассейне, установление названия политического, экономического и культурного центра в этом регионе¹⁶³ и его главного покровителя Аполлона Дель-

рой половины VI в. с вырезанной монограммой. Из Дидим происходит бронзовая гирия такой же формы с посвящением ее Аполлону в качестве десятины (*Jeffery*. LSAG, p. 343, № 30).

¹⁶² *Карышковский*. Ольвийские эпонимы, с. 42—51. Стоит хотя бы вспомнить широко известную уникальную надгробную стелу Леокса, сына Мольпагора (начало V в. до н. э., Ольвия), несомненно принадлежавшего к милетской аристократии, а возможно, и к союзу мольпов.

¹⁶³ Сейчас на основании рассмотренных материалов можно констатировать уже более определенно, что еще во второй четверти VI в. Ольвийское поселение выделяется

финия по предсказанию дидимского оракула, дальнейшее формирование Ольвийского Полиса, расширение его взаимоотношений с варварскими племенами и Средиземноморьем, культурное устройство города (третья четверть VI в.).

Сказанное не исключает того, что в последней четверти VI — начале V в., особенно после разгрома Милета, здесь появилась новая волна колонистов¹⁶⁴. Этот длительный и поэтапный процесс колонизации вряд ли был беспорядочным. Постепенное и методическое освоение сравнительно обширной, в основном сельскохозяйственной зоны вело и к постепенному развитию полиса с его все большим усовершенствованием во всех сферах жизни: экономической, социально-политической и культурной, что в итоге составило целостную государственную систему. Однако есть основания предполагать, что в процессе освоения Нижнего Побужья происходила социально-политическая борьба, особенно в период самого интенсивного колонизационного движения, когда по оракулу были определены центр и название полиса, а также назначен его божественный покровитель, недвусмысленно заменивший здесь Аполлона Врача. Тем не менее усиливавшаяся храмовая организация культа Дельфиния, владевшая, в соответствии с колонизационной практикой, своими землями (так называемая *ἱερά χώρα*) и определенными богатствами за счет жертвоприношений, являвшаяся, как и в каждом древнегреческом полисе, частью экономической и социально-политической структуры государства, еще сравнительно длительный срок боролась за упрочение своего влияния и авторитета. Можно полагать, что первоначально в Ольвии, как и в родственных милетских апойкиях (Аполлонии Понтийской, Истрии — Arist., Pol. V, 2, 11), а возможно и в боспорских городах, во главе государства стояли олигархи¹⁶⁵ из наиболее богатой верхушки ольвийских первопоселенцев — приверженцев культа Аполлона Врача. Однако с прибытием массы эпойков, судя по смене культа, устройству нового теменоса, замене денежного знака соответственно символике нового культа, а также наличию слова *εἰρήνη* в березанской надписи, в Ольвии произошли определенные политические столкновения, вероятно, в результате борьбы за власть. Отсутствие в это время каких-то внешнеполитических конфликтных событий в формирующемся Ольвийском полисе (насколько известно, проявление скифской экспансии заметно только в первой четверти V в.) позволяет считать, что мирное существование было нарушено внутри самого полиса.

Переплетение цифровой символики (цифра 7), связанной с рождением Аполлона и рождением нового полиса, закономерно вытекает из развивавшейся тогда философии аполлоновской религии, начало которой, как и вообще древнегреческой философии, лежит, очевидно, в Милете. В изречении четко проявляется, с одной стороны, единство всех функций Аполлона, а с другой — их противопоставление, в особенности *τοσοφόρος φίλος*, *μικτόφορος βορέω* и *δελφία φρόνιμος*, как своего рода двух социально-политических категорий. Каждому числу в надписи свойственна особая символика, но с их увеличением заметно усложнение как этой символики, так и структуры текстов, непосредственное их переплетение с общественными функциями. Увеличение чисел как бы способствует усложнению сущности бога, расширению его функций во взаимосвязи с политическим уст-

в «географическом и стратегическом аспектах» среди существующих в Нижнем Побужье поселений как своего рода ядро будущего города (см. *Виноградов. Полис...*, с. 389, прим. 101 сл.), а также, что имеет немаловажное значение, и устройством теменоса.

¹⁶⁴ *Русяева. Деякі риси...*, с. 5—9; *Рубан В. В.* О хронологии раннеантичных поселений Бугского лимана. — В кн.: *Материалы по хронологии археологических памятников Украины*. Киев, 1982, с. 111—113.

¹⁶⁵ *Карышковский. Ольвийские эпонимы*, с. 48 сл.; *Русяева. Деякі риси...*, с. 15. Ведь не случайно именно в этих полисах главным покровителем выступал Аполлон Врач. К сожалению, мало изучена роль этого культа в государственном пантеоне западнопонтийских городов после свержения олигархии, члены которой могли быть и главными жрецами этого бога.

ройством, когда, вероятно, его божественные способности должны были содействовать упрочению государственного строя; слово *φρόνιμος*, например, не только означает разумное животное, оно помогает выяснению сущности бога как миротворца, а через него и политической деятельности в государстве, которая должна быть такой же разумной, а значит способной установить мир.

Рассмотренная под этим углом зрения надпись на березанской пластинке, естественно, не исключает другого подхода к ее интерпретации ввиду завуалированности, как и всякого оракула, ее содержания. Основной же задачей данной работы была собственно публикация и попытка интерпретации этого эпиграфического документа, уникального, своеобразного и весьма важного для истории милетско-понтийской колонизации, Ольвийского полиса и культа Аполлона.

MILETUS — DIDYMA — BORYSTHENES — OLBIA.
THE COLONIZATION OF THE LOWER BUG REGION.

A. S. Rusyayeva

Study of the sacred inscription (third quarter of the 6th century) cut on a bone plaque from Borysthenes, i. e. the Berezan settlement, provides a good deal of information about the Milesian colonization of the Lower Bug area and the growth of the Apollo cult as its functions expanded. The inscription evidently confirms the oracle of Didyma about the founding of Olbia and the establishment there of the principal polis cult, that of Apollo Delphinus, whose symbol and attribute was the *δαελφίς φρόνιμος*, the one who brings, or can restore, *εὐρήνη* in the newly founded city. The inscription contains a numerical symbolism derived from the number 7, which was of great significance in the Apollo cult, and reflects symbolically the step-by-step development of the colonization process and the changes in the region's demographic situation in the 7th (second half) and 6th centuries — a process confirmed by archaeological data. The gradual development and extension of the functions of Apollo, under whose aegis the Mileto-Pontic colonization was conducted, can be traced in outline from the text of the inscription. Originally this cult consisted of the very ancient being in the form of Lyceus, then it was strengthened by a solar function (in connection with the lion) and was expressed particularly in the functions *τοξοφόρος φίλι(ο)ς* and *νικηφόρος βορέω*. These functions, as many analogies suggest, may be connected with the main cult of the Milesian colonies on the Black Sea coasts, that of Apollo the Healer (*Ἴητροός*). In the change-over of the two polis cults in Olbia — from Apollo the Healer to Apollo Delphinus — and with the aid of archaeological and numismatic evidence, may be discerned a political struggle between two influential groups in the city: the first settlers (adherents of Apollo the Healer) and the *epoikoi*, representing the most massive of the waves of colonists in the Lower Bug area, with whose arrival the formation of the Olbian polis was completed under the aegis of Apollo Delphinus.
